

СИРЕНА АМИРЕЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛОМАННЫЙ
КОД

18+

Сирена Амирель

Сломанный код. Часть первая

«Автор»

2026

Амирель С.

Сломанный код. Часть первая / С. Амирель — «Автор», 2026

Главная героиня выстроила свою жизнь на прочном фундаменте логики. Никакой веры в судьбу, никаких иллюзий и глупых надежд — только успешная карьера и любимая дочь, ради которой она готова на всё. Её мир был безопасным, предсказуемым и... абсолютно холодным. Но этот фасад рушится в один миг, когда на её пороге возникает призрак из прошлого. Мужчина, который когда-то ушёл без объяснений, оставив после себя лишь пепел её доверия, снова смотрит ей в глаза. Хватит ли у неё сил простить предательство? И осмелится ли она вновь впустить в своё израненное сердце того, кто однажды его разбил? Пока она пытается разобраться в собственных чувствах, вокруг неё закручивается вихрь древней и смертоносной игры. На шахматной доске вечного противостояния сошлись двое: Адам — безупречный защитник, идущий праведным путём света, и Люциан — холодный, пугающе расчётливый и выбравший первозданную тьму. Их битва давно вышла за рамки банальной войны добра и зла. Теперь на кону нечто гораздо большее...

© Амирель С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	61
Глава 13	64
Глава 14	69
Глава 15	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сирена Амирель

Сломанный код. Часть первая

Глава 1

Глаза наблюдали.

Спокойно. Терпеливо. Казалось, само время веками застывало в их бездонной глубине.

Они созерцали рождение и крах великих империй. Видели, как свет поднимался навстречу робкой надежде и как тьма укрывала мир своим холодным покрывалом. Видели жёсткие войны, рождённые слепым страхом, и хрупкий мир, который наступал лишь через глубокое понимание.

Эти глаза стали свидетелями бесчисленных эпох. Они слишком хорошо знали: свет далеко не всегда несёт в себе благо, а тьма — вовсе не обязательно порождает абсолютное зло. Но неумолимое время показало нечто иное. Из яростного столкновения света и тьмы родилось нечто большее. Нечто такое, чего не предвидела ни одна из сторон.

Именно поэтому сейчас этот древний, преисполненный мудрости взгляд скользнул по бесчисленным, переплетённым нитям человеческих судеб и замер лишь на одной — единственной. На женщине, которая в это самое мгновение шла по шумной улице Лос-Анджелеса и искренне считала этот день самым обыкновенным и серым.

Если бы она только знала, сколько невидимых глаз наблюдают за каждым её шагом.

Если бы она только догадывалась, кем ей предстоит стать...

Но утро выдалось слишком обыкновенным. И именно эта обыденность раздражала больше всего.

Ева неторопливо шла по улице Лос-Анджелеса, совершенно не замечая ни слепащего солнца, ни вечно спешащей мимо толпы. Её мысли раз за разом возвращались к недавнему происшествию.

Светлые локоны холодного, пепельного оттенка мягко переливались в полуденных лучах. Большие тёмные очки надёжно скрывали её серо-голубые глаза. Со стороны этот образ выглядел безупречно, почти идеально: тонкие, точёные черты лица, безукоризненно светлая кожа, благородная и какая-то отстранённая, прохладная красота.

А вокруг бурлила привычная городская суeta. Прохожие двигались в каком-то безумном, автоматическом ритме — каждый куда-то спешил, каждый был с головой погружён в собственную жизнь. Никто ни на кого не обращал внимания. Серая, предсказуемая повседневность... и сейчас Ева отчаянно цеплялась за неё, как за спасательный круг.

— Это скоро закончится, — едва слышно прошептала она самой себе.

Машина. Нужно просто забрать её из ремонта, и тогда всё окончательно встанет на свои места. Больше никакого душного общественного транспорта, никаких вечно опаздывающих такси и никаких странных, подозрительных людей вокруг. Наконец-то вернётся прежний контроль.

Ева сделала медленный, глубокий вдох, словно бережно тестируя собственное внутреннее состояние.

Она спокойна.

Она собрана.

Она по-прежнему держит всё под контролем.

Почти...

Но именно в это мгновение безжалостная память снова нанесла сокрушительный удар.

Шумный, яростный дождь с силой барабанил по лобовому стеклу.

Автомобильные дворники бешено работали на пределе своих возможностей, но потоки воды всё равно размывали дорогу впереди.

Ева вела машину быстро, но уверенно. Она всегда считала себя отличным водителем. Всегда контролировала дорогу.

Внезапно темноту салона разрезала яркая вспышка — экран телефона загорелся от пришедшего уведомления. Какое-то глупое сообщение... Она отвлеклась лишь на мгновение. Буквально на одну короткую секунду.

Громкий автомобильный гудок. Резкий. Пронзительный. Оглушающий. Слишком близко! Ослепляющий свет фар наотмашь ударил по глазам. Вспышка. Скрежет металла. Весь её мир перевернулся с ног на голову.

И вдруг — оглушительная, мёртвая тишина. Пальцы до боли ещё сжимали остывающий руль. А в ушах стоял лишь один звук — собственное сердце колотилось так бешено и сильно, что полностью заглушало весь остальной мир.

«Я жива...» — обожгло сознание.

Это была её первая, самая чёткая мысль.

Передняя часть машины превратилась в грудку смятого железа.

Но что-то во всём этом было не так. Какая-то зловещая, противоестественная неправильность. Сам удар... он просто не мог произойти подобным образом. Всё выглядело так, словно чья-то невидимая рука в самое последнее мгновение переписала законы физики и изменила саму реальность.

— Вы целы? Эй, вы в порядке? — сквозь пелену шока донёсся голос откуда-то снаружи.

Ева не ответила. Она не могла пошевелиться, завороченно глядя прямо перед собой — сквозь треснувшее лобовое стекло на ночную дорогу.

Абсолютно пустую дорогу...

Автомобиль, с которым она только что столкнулась лоб в лоб, бесследно исчез. Ни осколков, ни тормозного следа.

— Мисс, вы меня слышите?

Ева судорожно моргнула.

И наваждение растаяло. В то же мгновение чужая машина снова оказалась там. Она стояла на месте — осязаемая, разбитая, пугающе реальная.

— Да... — едва слышно выдавила она. — Всё нормально.

Это была чистая ложь. Морок воспоминаний отступил, и Ева резко вернулась в реальность.

— Мам?

Ева испуганно вздрогнула.

Мира смотрела на неё своими большими голубыми глазами — слишком серьёзно и внимательно для семилетнего ребёнка.

— Ты опять думаешь о том, чего на самом деле не было?

Ева невольно нахмурилась:

— Было, Мира.

— Нет, — абсолютно спокойно, не по-детски серьёзно ответила девочка.

— Сначала этого не было.

Повисла тяжёлая пауза.

— А потом вдруг стало.

Ева почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод, а внутри всё болезненно сжалось.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — безмятежно пожала плечами дочь. — Мне просто так кажется.

В последнее время странное поведение Миры всё чаще вызывало у Евы непонятную тревогу. Но уже в следующее мгновение девочка как ни в чём не бывало переключилась: по дороге домой она болтала без умолку, увлечённо рассказывая, как «по-детски» решила назревающий конфликт с одноклассником.

— ...в общем, я просто сказала ему, что так делать неправильно, и забрала свой карандаш! — гордо подытожила Мира.

Ева опустила глаза, пытаясь скрыть невольную улыбку.

— Хорошо, что ты научилась отстаивать своё, — мягко начала она, но тут же добавила строже: — Но в следующий раз будь аккуратнее.

Мира недовольно фыркнула:

— Ты опять включаешь строгую маму.

— Я просто хочу, чтоб ты заранее думала о последствиях своих поступков.

— Мам, — протянула девочка, хитро прищурившись. — А что, если эти последствия совсем не такие, какими мы их себе представляем?

Ева нахмурилась, но предпочла промолчать. Подобные странные, не по годам взрослые вопросы дочь задавала ей едва ли не каждый день.

И вдруг по телу разлилось смутное смятение. Ей показалось, что в самом ритме улицы что-то неуловимо изменилось. Движения прохожих стали какими-то неестественными.

«Просто усталость, — мысленно приказала себе Ева. — Слишком много работы, эта бесконечная спешка.»

И всё же... Полуденные лучи солнца внезапно показались слепяще-яркими, а шаги людей вокруг замедлились, словно в режиме ленивого стоп-кадра. Ева пыталась переключить внимание, перебирая в голове привычные будничные заботы, лишь бы сбежать от пугающих мыслей.

«Кажется, Мира совсем выбивается из рук. Ещё немного, и она действительно поткнёт кому-нибудь глаз этим несчастным карандашом. Становится абсолютно неуправляемой... Может, если бы её отец был рядом, всё сложилось бы легче? Стоп. Нет. Я со всем справлюсь сама. Как и всегда. Нам не нужен этот ублюдок.» Порочное, давно вычеркнутое из жизни слово отозвалось в груди леденящей стужей.

Из этого мысленного оцепенения Еву выдернуло странное оптическое явление: воздух перед глазами едва заметно задрожал, являя едва различимый, неестественный сдвиг.

— Мам, здесь происходит что-то очень странное, — тихо произнесла Мира.

— Всё в порядке, — машинально отозвалась она, хотя где-то в самой глубине души уже чётко знала: их привычный мир больше никогда не будет прежним.

Мира сегодня была на редкость разговорчивой.

— Мам... а ведь иногда кажется, будто весь мир специально подстраивается под то, о чём мы думаем.

— И как это называется, Мира? Магия? — Ева попыталась улыбнуться.

— У нас не бывает магии... — девочка на секунду задумалась, а затем упрямо возразила: — Но я всё равно не понимаю: почему тогда учитель сначала сказал, что мой проект «слегка перепутан», а потом сам перепутал все бумаги?

По дороге домой они присели на лавочку в сквере, совсем недалеко от их дома. Ева молча наблюдала за тем, как дочка пытается аккуратно сложить листы обратно в рюкзак.

— Ты уже всё исправила? — поинтересовалась она.

— Да, — кивнула Мира. — Но это всё равно странно... Ну почему все сделали одну и ту же ошибку?

Ева устало вздохнула и отмахнулась от навязчивых мыслей:

— Люди постоянно ошибаются, Мира. Не ищи здесь скрытый смысл и не придавай этому мистического значения.

Дочь оторвалась от рюкзака и пристально уставилась на неё.

— Мам, а что, если эти ошибки вовсе не случайны?

Ева внутренне вздрогнула, но изо всех сил попыталась сохранить безмятежный вид и улыбнуться:

— Ну, тогда мы все в огромной опасности. И тебе, похоже, придётся заново учить меня математике.

Девочка коротко, из вежливости усмехнулась. Но её взгляд по-прежнему оставался серьёзным, не по-детски тяжёлым.

По спине Евы снова пробежал отчётливый ледяной холодок.

Это точно не было игрой воспалённого воображения. Что-то в самом фундаменте реальности сдвинулось, и Ева ощущала это каждой клеточкой тела.

Птица, плавно летевшая над верхушками деревьев, вдруг намертво зависла в воздухе, словно её силуэт грубо вырезали и вклеили в застывший кадр.

— Мам! — Мира с силой дёрнула её за рукав, указывая вверх — Смотри, она не летит!

Ева замороженно смотрела на замершее пернатое тело. Судорожно моргнула.

— Видела, — выдавила она, заметив, что птица снова взмахнула крыльями. — Всего секунда, и она полетела дальше. Всё нормально, Мира.

Но стоило ей перевести взгляд на рюкзак дочери, как сердце пропустило удар. Оставленные внутри листы бумаги сами собой сдвинулись в сторону, хотя девочка даже не прикасалась к ним.

— Мира... это ты их двигаешь? — с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросила Ева.

— Нет, — безмятежно отозвалась дочь. — Они сами.

Ева до боли сжала кулаки, отчаянно пытаясь удержаться за остатки ускользающего рационализма.

Но пространство вокруг них стремительно менялось. Воздух сделался вязким, тяжёлым, будто превращаясь в густое желе. Привычный гул городского парка неестественно приглушался, и Ева физически ощутила, как мир вокруг них начинает подстраиваться под чью-то неумолимую волю, медленно и необратимо смещаясь. Она отрицала происходящее до последнего, но глубоко внутри уже чётко осознавала: это больше не глупое совпадение.

Резко поднявшись с лавочки, Ева крепко перехватила ладошку дочери.

— Пошли домой, — сухо и преувеличенно строго скомандовала она, тщетно пытаясь вернуть их испуганный мыслями привычный, будничный порядок.

Мира послушно, даже как-то весело подпрыгнула на месте:

— Домой? Мам, а что, если наш дом стал совсем другим?

Ева изо всех сил постаралась сохранить внешнее хладнокровие, хотя удушающая тревога уже полностью подчинила её себе.

— Он не может быть другим, — резко отрезала она, скорее убеждая себя, чем ребёнка. — Всё остаётся на своих местах.

Они шли по улице, и Ева мысленно проверяла каждый свой шаг: тротуар, дорожные знаки, фонари, входные двери. Она отчаянно цеплялась за детали, убеждая себя, что всё вокруг должно совпадать с её памятью.

Но чем сильнее она вглядывалась в окружение, тем явственнее проступали пугающие аномалии.

Массивная каменная лавочка необъяснимым образом сдвинулась на пару метров в сторону. Рыжая кошка, только что сидевшая у стеклянной витрины, мгновенно исчезла и тут же появилась на противоположном углу здания.

Листья на ветках деревьях продолжали хаотично шевелиться, хотя знойный уличный ветер полностью стих.

— Мам, а что, если я просто думаю слишком громко? — вдруг нарушила тишину Мира.

— Ты ещё ребёнок, глупышка... попыталась успокоить её Ева. — Не ищи скрытый смысл там, где его попросту нет.

— Но мама... — Мира на секунду запнулась, а затем как-то слишком легкомысленно улыбнулась: — ...а вдруг это я сама его случайно двигаю?

Ева резко застыла на месте, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Что... что именно ты двигаешь, Мира?

— Да не знаю я! — девочка всплеснула руками, забавно замахав ими в воздухе. — Просто я. Я думаю, и оно меняется!

Лицо Евы исказилось от подступившего ужаса. Она устало, тяжело вздохнула:

— Мира, послушай меня. Ты не должна забивать свою голову и так много думать о совершенно бессмысленных вещах!

— Ты хотела сказать: «не должна думать громко»? — перебила Мира.

— Мира! — в голосе Евы уже отчётливо звучало раздражение. — Нельзя думать «громко». Мысли всегда беззвучны.

— А вот и нет... — упрямо покачала головой девочка. — Когда я думаю громко, весь мир начинает меняться. А когда тихо — всё послушно остаётся на своих местах.

«Что за бред? — панически пронеслось в голове у Евы. — Она говорит совершенно дикие, пугающие вещи». Ладно, Мира ещё совсем ребёнок, у неё бурная фантазия. Но как объяснить то, что самой Еве на каждом шагу чудятся пространственные сдвиги. Неужели это запоздалые эхо-симптомы той ужасной аварии. Или она просто сходит с ума?

Её лихорадочные мысли грубо прервал глухой стук — прямо к её ногам с ветки дерева тяжело упало крупное яблоко.

Ева замерла и сердито нахмурилась:

— Великолепно. Теперь ещё и деревья решили поучаствовать в этом балагане.

А про себя со злостью и бессилием подумала: «Как же я ненавижу эти чёртовы яблоки.»

Она наклонилась и подняла яблоко, сжимая его в ладони с такой силой, словно от этого плода зависел контроль над всей ее жизнью.

«Всё под контролем, — упрямо заклинала она сама себя. — Это просто упавшее яблоко. Обычная случайность...»

Но Мира уже нетерпеливо протянула к ней руку:

— Мам, а вдруг это яблоко — какой-то знак?

Ева тихо, тяжело выдохнула:

— Знак? Если это так, то я бы предпочла его в упор не замечать!

Она перевела взгляд дальше на улицу, и внутри всё похолодело — город стремительно терял свои привычные очертания. Уличный фонарь, всегда стоявший строго на углу, теперь сиротливо возвышался чуть выше обычного. Стекла витрина магазина будто неумолимо скособочилась, и Ева замерла, поймав в ней чужое отражение. Из глубины тёмного стекла на неё смотрел смутный силуэт взрослого мужчины. Она совершенно не знала этого человека, но в то же мгновение её пронзила дикая мысль: на каком-то подсознательном уровне она его помнит.

— Мам — едва слышно прошептала Мира. — Он там.

Ева резко обернулась и впилась взглядом в тротуар. Никого. Лишь безликая толпа прохожих продолжала двигаться в своём привычном темпе.

— Кто там, Мира? О ком ты?

— Никого, — испуганно замкнулась девочка. — Просто... показалось. Мам... а мы точно выходили с этой стороны дома?

Ева нахмурилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног:

— Конечно, с этой. Откуда такие вопросы?

— Просто... здесь всё немного другое. И тротуар не такой. И лампы светят как-то странно. Ева нервно хмыкнула.

— Ты смотришь слишком пристально. — тихо озвучила свою мысль Ева. — Иногда мир просто... Выглядит иначе.

Она сильно сжала яблоко, чувствуя его гладкую кожуру.

— Кажется — пробормотала она едва слышно. — Этого «кажется» в нашей жизни становится слишком много.

И впервые за долгие годы Еву пронзило леденящее осознание: контроль неумолимо ускользает. Пространство вокруг них начало едва заметно, бесшумно смещаться. И причиной этого была Мира. Девочка, словно мощный ментальный магнит, притягивала аномалии своими мыслями, детскими страхами и фантазиями, шаг за шагом «подталкивая» и деформируя реальность.

На следующий день всё снова выглядело абсолютно нормально.

Даже слишком нормально...

Ева поймала себя на спасительной мысли, что весь вчерашний кошмар — лишь следствие дикой усталости, нервного перегруза и чересчур бурного воображения дочери. Она почти сумела убедить себя в этом.

Почти...

Оглушительный звонок телефона нарушил тишину ровно в 10:17.

Ева сидела перед мерцающим монитором, в своей домашней одежде, полностью погружённая в бесконечные строчки кода. Работа из дома имела свои плюсы. Но заставляла крутиться вдвойне: сейчас она вела проекты сразу для нескольких крупных компаний, разрываясь между техническими заданиями. Её сложная, скрупулёзная профессия программиста сторонним людям казалась невероятно нудной и монотонной. Но для самой Евы этот мир был настоящим убежищем, безопасным бегством от хаотичной реальности. Здесь каждый символ, каждая цифра и алгоритм беспрекословно подчинялись строгой логике.

Она посмотрела на экран телефона, прежде чем ответить. Это был звонок из школы.

— Мира, — вздохнула Ева. — Что ты натворила на этот раз?

«Этой девочке определённо следовало родиться мальчишкой, — с горькой ухмылкой подумала Ева. — Тогда её взрывной нрав и вечное своеволие можно было бы хоть как-то оправдать».

Она провела пальцем по экрану:

— Да, я слушаю.

— Мисс Ева? — Голос в трубке звучал вежливо, даже слишком вежливо. — Вас просят срочно подойти в школу. Это касается вашей дочери.

Короткая, звенящая пауза...

— Что-то случилось?

— Произошёл небольшой ...инцидент.

Школа встретила Еву привычной смесью запахов свежей краски, бумаги и оглушительного детского гама. Но сегодня этот хаос ощущался как-то иначе: внутри Евы нарастало странное чувство дежавю, будто окружающие звуки на долю секунды отставали от движения людей. Реальность снова едва заметно слоилась.

Ева потянула за ручку и вошла в кабинет. Мира неподвижно сидела на стуле, упрямо скрестив руки на груди. Чуть дальше от неё стоял шмыгающий носом мальчик, прижимающий обёрнутый в салфетку лёд к быстро синеющему подглазью.

— Мама, — спокойно произнесла Мира

Слишком спокойно для того, кто только что устроил драку.

— Что здесь произошло? — холодно спросила Ева, переводя взгляд с дочери на припухшее лицо мальчика.

В разговор мягко вмешалась классная руководительница:

— Понимаете, у нас было обычное творческое задание... Дети должны были нарисовать свою семью.

Учительница положила лист на стол.

Ева опустила взгляд на рисунок.

Сначала она отыскивала глазами себя. Чёткие, уверенные линии. Строгий деловой костюм, волосы собраны в высокий хвост. Сходство было слишком очевидным.

«А ведь дочь — прирождённый художник», — не без гордости подумала Ева. Ей отчаянно захотелось улыбнуться, но пришлось подавить этот порыв, чтобы не растерять остатки авторитета строгой матери.

Затем она перевела взгляд на фигуру дочери. Рядом была нарисована Мира... Но почему у неё в руках яблоко?

«Да они издеваются надо мной, что ли, эти чёртовы яблоки?» — внутри Евы шевельнулось смутное, раздражённое недоумение.

Однако, когда её взгляд скользнул к краю листа, остатки хорошего настроения испарились без следа.

Рядом с ними стоял мужчина.

Высокий силуэт.

И он был... в доспехах? «Ну и фантазия у ребёнка», — попыталась успокоить себя Ева, но сердце застучало быстрее. Лицо незнакомца Мира прорисовывать не стала — вместо него зловеще чернела глухая, густая тень. Та самая, из витрины.

— Это... это кто? — тихо спросила Ева, не поднимая глаз.

Пострадавший мальчик внезапно хмыкнул и задорно вклинился в разговор:

— Её папа — рыцарь! — прыснул он со смеху. — Наверное, он отправился искать дракона!

Мира резко, с грохотом отодвинула стул и встала.

— Он настоящий! — упрямо отрезала Мира.

— Ну конечно! — язвительно передразнил мальчик. — И что, в замке живёт?

— Сейчас нет, — спокойно ответила девочка, но с той же пугающей, взрослой уверенностью добавила: — Но когда-то давно он жил там. Вообще он много где жил...

Ева молча разглядывала серый силуэт на бумаге. К своему удивлению, она не чувствовала злости или раздражения на дочь. Внутри неё росло совсем другое чувство — холодное узнавание.

Чуть позже, когда детей попросили подождать в коридоре, учительница закрыла дверь и осторожно повернулась к Еве:

— Мы всё понимаем, что в таком возрасте дети склонны фантазировать, мисс Ева. Но, возможно... вам стоит показать её специалисту? Психологу, например, — мягко уточнила она

— Вы предлагаете мне лечить ребёнка из-за обычного детского рисунка? — в голосе Евы прорезалось глухое раздражение.

— Дело вовсе не в рисунке, — вздохнула учительница. — Дело в том, насколько слепо Мира верит в свои выдумки. Она защищает их с такой агрессией, что готова покалечить другого ребёнка.

Ева вскинула голову и ледяным тоном отрезала:

— С моей дочерью всё в порядке!

— Конечно, разумеется, — поспешно отступила женщина, не желая развивать конфликт. — Это всего лишь профессиональная рекомендация.

Ева коротко, сухо кивнула. Она уже не слушала собеседницу — её взгляд снова непреодолимо потянулся к листу бумаги, лежащему на столе.

И в это самое мгновение...

Внутри у неё всё оборвалось. Ей отчетливо, ясно показалось, что нарисованный на бумаге рыцарь едва заметно сдвинул щит, сильнее перехватив его рукой.

Ева зажмурилась и резко моргнула.

Показалось. Рисунок был статичен.

Глава 2

Дома их встретила густая, давящая тишина.

Мира сразу же устроилась за столом и увлечённо принялась рисовать что-то новое. Ева, делая вид, будто рассеяно листает ленту новостей в телефоне, прошла на кухню, но у самой раковины замерла и обернулась.

— Мира.

— Да, мам? — не отрываясь от бумаги, отозвалась девочка.

— Кто этот рыцарь на твоём рисунке?

Мира ответила не сразу. Она медленно отложила карандаш, словно взвешивая свои слова, и только потом подняла на мать абсолютно спокойный взгляд

— Папа.

У Евы судорожно сжались челюсти, а пальцы крепче впились в корпус телефона.

— У тебя нет папы.

— Есть, — тихо, но с железной уверенностью возразила Мира.

— Ты не можешь его знать.

Девочка едва заметно покачала головой:

— Я видела его, мам.

— И где же?

— Во сне.

Воздух в комнате стал осязаемым, а тишина — плотной и тяжёлой, как перед грозой.

— И какой же он? — против воли спросила Ева.

— Он высокий. Очень сильный. А глаза у него такие... — Мира на мгновение запнулась, подбирая слова, и её взгляд стал пустым. — Будто он уже знает всё-всё, что с ним случилось. И всё, что ещё только случится.

По спине Евы медленно, волной пробежал холодок. Внутри вспыхнуло паническое узнавание — словно этот образ и эти пугающие характеристики она уже когда-то слышала. Или видела сама.

— И что твой рыцарь делал в твоём сне? — севшим голосом спросила она.

— Он просто смотрел на меня, — тихо ответила Мира, и по её лицу скользнула тень жалости. — А ещё он сказал, что ты снова всё сделаешь неправильно.

Ева резко выпрямилась, чувствуя, как внутри всё сильнее натягивается невидимая струна.

— Что?

— Не злись, — всё также спокойно повторила Мира. — Он настоящий.

Звнящая пауза.

— И он сказал, что скоро придёт.

Секунда замерла. Ева круто развернулась, уходя от этого невыносимого взгляда дочери.

— Хватит, — холодно сказала Ева, стараясь, чтобы голос не выдал её панику.

— Больше никаких историй. Мне некогда выслушивать эти глупости.

Пытаясь отвлечься и вернуть контроль над привычной домашней рутинной, она потянула за ручку и открыла холодильник. И тут же замерла, забыв как дышать.

На пустой средней полке одиноко лежало яблоко.

Глянцевое, ярко-красное. Слишком идеальное, словно сошедшее с картинки или издевательски точной иллюстрации. Ева не могла пошевелиться. В голове забились одна-единственная мысль: она точно не покупала никаких яблок. Последние годы их вообще не было в этом доме.

Пальцы онемели. Ева медленно, бережно, словно боясь потревожить притаившуюся змею, прикрыла дверцу холодильника.

— Мам... — раздался со спины тихий, вкрадчивый голос Миры.

Ева так и осталась стоять лицом к холодильнику, не в силах обернуться.

— Что?

— Ты же терпеть не можешь яблоки?

— Не люблю, — едва слышно выдохнула Ева.

Комнату затопила тяжёлая, ватная тишина.

И в этой тишине из глубины памяти внезапно вынырнуло воспоминание. Оно ударило с такой сокрушительной силой, что в глазах на мгновение потемнело, и Еве пришлось судорожно опереться рукой о край стола, чтобы просто не упасть.

Белый свет ударил в глаза. Слишком яркий, почти стерильный.

Резкий крик.

Нет, кричала не она — это был плач Миры. Маленькой, совсем крошечной Миры. Ей только едва исполнился год.

Ева судорожно прижимает её к себе, чувствуя, как собственные руки неуправляемо дрожат.

— Она задыхается! — взрывается в ушах чей-то чужой, неестественно резкий голос.

Малышка хрипит, кашляет, синеет. Лицо сначала наливается багровым румянцем, а затем стремительно, страшно бледнеет.

Злосчастный кусочек яблока.

«Как я могла не доглядеть?.. Господи, как я могла?!»

— Дыши, маленькая моя, дыши... — иступлённо шепчет Ева, уже сама не понимая, кому адресованы эти слова — задыхающейся дочери или себе, застывшей от ужаса.

Воспоминания сменяются рваными кадрами: воющая сирена, мигалки скорой, ворвавшиеся в дом чужие люди. Кто-то грубо, но решительно вырывает обмякшую Миру из её онемевших рук.

— Мы сделаем всё возможное, — бросает на ходу врач, но в его бесцветном голосе нет ни капли уверенности.

И финал. Больничный коридор.

Оглушительно холодный.

Руки пустые. До ужаса лёгкие.

И именно тогда, впервые в своей жизни... она осознала, что не может контролировать абсолютно ничего. Ни идеальные логические цепочки. Ни послушные цифры. Ни ускользающее сквозь пальцы время.

— Мы теряем её, — доносится откуда-то издалека чужой, глухой голос.

Эти слова безжалостно режут по живому.

Ева бессознательно делает шаг назад, упираясь спиной в холодную больничную стену.

И вдруг...

— Пожалуйста ... — срывается с её губ едва слышный шёпот. Она говорит это, совершенно не контролируя себя — Пожалуйста, пусть она живёт....

Ева не знает, к кому обращается. Она рациональна до мозга костей, она никогда и ни во что не верила. Ни в Бога, ни в судьбу, ни в чудеса. Но в это страшное мгновение... она молилась. Неистово, отчаянно.

«Я сделаю всё. Слышишь? Всё что угодно, только пусть она дышит...»

Слёзы сплошным потоком текут по щекам, но она их не чувствует.

Вязкие секунды растягиваются до бесконечности. Весь привычный мир вокруг стремительно рушится и перестаёт существовать, оставляя её в абсолютной пустоте.

И вдруг...

Глухой, надрывной кашель.

Резкий. Пронзительный. Живой.

Мира!

Один из врачей резко оборачивается к ней, на его лице застыло крайнее изумление.

— Она выплюнула кусок яблока!

Он на секунду замирает, словно сам не верит в происходящее, а затем выдаёт:

— Она дышит... Стабильна.

Ева стоит, оглушённая этой новостью, и далеко не сразу понимает, что самое страшное уже позади.

Ева резко открыла глаза, словно выныривая из ледяной воды.

Кухня. Родные стены. Та же гнетущая тишина.

Пальцы всё ещё судорожно сжимали край стола, побелевшие суставы ныли. С трудом заставляя себя расслабиться, она медленно, со свистом выдохнула сквозь зубы.

— Мам... — раздался негромкий голос. Мира внимательно, слишком проникательно для своего возраста посмотрела на неё. — Ты опять думаешь об этом?

Ева до боли стиснула зубы, чувствуя, как внутри всё камнеет.

— Нет.

Это была ложь. Жалкая, прозрачная ложь.

Она терпеть не могла яблоки вовсе не из-за их вкуса.

А потому что тогда, в холодной больничной палате... она впервые в жизни сломалась. Предала собственный прагматизм и сделала то, во что никогда искренне не верила — взмолилась о пощаде. И с тех самых пор она отчаянно, всеми силами пыталась вычеркнуть тот момент слабости из своей памяти.

— Он тоже это знает, — так же тихо, почти воркующе обронила Мира.

Ева медленно, словно преодолевая сопротивление густого воздуха, повернулась к дочери. Горло пересохло.

— Кто?

Мира посмотрела на неё в упор и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулась.

— Папа ...

Глава 3

Экран ноутбука мягко светился в полумраке комнаты.

Ева машинально листала новости, которыми в последние три дня пестрил весь интернет.

«Массовый сбой электронных часов зафиксирован сразу в нескольких странах».

«Жители северного района сообщили о странном гуле в небе».

«Учёные не могут объяснить резкое изменение перелётных птиц».

Ева тихо усмехнулась и пролистнула дальше.

— Господи... люди страдают из-за ерунды, — пробормотала она себе под нос.

Следующая статья заставила её задержать взгляд.

«Тысячи людей утверждают, что видели один и тот же сон».

Ева устало закатила глаза и уже хотела закрыть ноутбук, как вдруг ей на почту пришло письмо: «Мы ознакомились с вашим профилем...»

Она машинально прокрутила вниз.

Компания VESPER — одна из самых закрытых и влиятельных в сфере цифровой безопасности. О ней давно ходили странные слухи. Говорили, что её невозможно взломать. И что никто до конца не знает, чем именно они занимаются.

Ева нахмурилась.

— Странно...

Она не отправляла резюме им.

И всё же письмо было слишком ... точным. Слишком личным...

Внизу адрес.

И подпись.

L.

Её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой.

Что-то внутри дрогнуло.

Не страх.

Скорее... узнавание.

Логика.

Факты.

Последовательность.

Рисунок.

Яблоко.

Странное письмо...

— Бред, — тихо сказала она.

И в этот момент...

— Согласен. Но ты всегда начинаешь именно с этого слова.

Ева резко обернулась.

Он стоял у окна.

Словно был там всё это время.

Спокойный.

Чуть ироничный.

И абсолютно чужой.

И одновременно — нет...

Серый вечерний свет скользил по его лицу, подчёркивая острые черты и чуть растрёпанные тёмные волосы. Рукава чёрной рубашки были небрежно закатаны до локтей, а верхние пуговицы расстёгнуты так, словно ему всегда было жарко рядом с другими людьми. В его

взгляде было что-то опасное — не угроза, а тихая уверенность человека, который привык всё контролировать.

— Ты?.. — Она резко поднялась, судорожно оглядываясь в поисках чего-то тяжёлого.

Почти восемь лет ей удавалось искусно прятаться и скрывать само существование Миры.

Конечно, когда-то она представляла их встречу — случайную, мимолётную, смутную... Но никак не здесь, на собственной кухне.

— Как ты тут очутился? Как нашёл нас...меня? Как вообще сюда попал?

— Боже, сколько вопросов, Ева! — Он снисходительно усмехнулся. — Легко. Я не искал вас. Вошёл через дверь, как все нормальные люди.

Ева крепко сжала кулаки.

— Я не слышала...

— Ты многого не слышишь, Ева.

Повисла тяжёлая пауза.

Он неторопливо окинул взглядом кухню, задержался на столе, а затем посмотрел прямо на неё.

— Всё так же помешана на контроле и порядке?

— Убирайся, — процедила она сквозь зубы.

— Как вы? — невозмутимо произнёс он.

— Ты ко мне на «вы»? — попыталась съязвить Ева, но голос предательски дрогнул.

Мужчина перевёл взгляд в сторону комнаты, где спокойно спала Мира.

— «Вы» — это ты и наша дочь.

Воздух в комнате словно загустел.

— Ты не имеешь к ней никакого отношения! — отрезала Ева.

Он усмехнулся.

— Правда?

И он сделал шаг вперёд.

Ева почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я не хочу тебя знать. Я давно забыла тебя.

— Это временно.

Пауза...

— Ты никогда ничего не помнишь.

Ева решительно шагнула к нему.

— Если ты сейчас не объяснишь, что происходит, я вызову полицию.

Он тихо рассмеялся в ответ.

— Попробуй.

Она схватила телефон. Экран послушно загорелся. «Нет сети». Ева замерла.

— Серьёзно?.. — устало выдохнула она.

Он нетерпеливо прошёлся по кухне и остановился у стола. Вдруг протянул руку и взял яблоко. То самое.

Ева резко напряглась.

— Не трогай.

Он перевёл на неё взгляд.

— Всё ещё?

— Положи.

Он медленно покрутил яблоко в пальцах, едва заметно улыбаясь полунамёком.

— А помнишь, как всё начиналось?

Ева ответила ледяным тоном:

— Нет. Но отлично помню, чем всё закончилось.

— Да неужели? А клуб «Рай» ты тоже успела забыть?

Слово ударило. Внутри неё будто что-то надломилось.

Жизнерадостная, прежняя Ева звонко смеётся.

Он.

Только совсем молодой.

И без этой горькой, усталой иронии во взгляде.

— Мы куда? — сквозь смех спрашивает она.

— В рай, — он кивает на сияющую вывеску.

«HEAVEN»

— Серьёзно? — Ева шутливо закатывает глаза. — Откуда в тебе столько пафоса

— Всё только ради тебя.

Прошлое распалось. Ева резко вернулась в реальность.

Дыхание перехватило.

— Нет...

Она сделала шаг назад.

— Всё это было ошибкой.

— Ты всегда так говоришь, — негромко и мягко ответил он.

Повисла долгая пауза.

— Когда не хочешь смотреть правде в глаза.

Он в упор посмотрел на неё.

— Да кто ты, чёрт возьми, такой, чтоб заявляться сюда спустя столько лет и...

Он не дал ей закончить:

— Тот, кто пойдет за тобой на край света...

У Евы всё болезненно сжалось внутри. И это говорил человек, который когда-то даже не удосужился внятно объяснить, почему так жёстко бросил её. Оставил именно в тот день, когда она — растерянная, но такая счастливая — мчалась к нему, чтобы поделиться новостью о беременности. Новостью, которую так и не успела произнести. Она ведь безумно любила его и верила без оглядки. Тому, кто как ей казалось, горы ради неё свернёт... Как же жестоко она ошибалась.

И сейчас у него хватает наглости твердить про какой-то край света?!

— Ты? За мной? — Ева горько усмехнулась.

— Я понимаю, что сейчас ты мне не веришь. — спокойно ответил он. — Но поверишь, будь уверена.

— Нет, это ты будь уверен: я не поверю тебе больше никогда. Даже если сам Господь Бог спустится на землю и скажет мне об этом, — произнесла она с ледяной иронией, ведь сама давно не верила ни в какие высшие силы.

В ответ он лишь негромко рассмеялся.

— Не льсти себе, Ева. У Него наверняка есть дела поважней, чем спускаться с небес ради моих оправданий.

Комната снова погрузилась в гнетущее молчание. Воздух стал почти осязаемо тяжёлым.

— Я знал о ней.

— Что?.. — резко выдохнула Ева.

— Всегда, — спокойно ответил он.

Повисла тишина.

— И ничего не сделал? Вообще ничего?!

Он медленно перевёл взгляд на неё.

— Я ждал.

— Чего же ?!

— Когда ты снова начнёшь ломать всё.

Пауза....

— Впрочем, как обычно.

Ева стремительно шагнула к нему почти вплотную.

— Я? Ломать? Ты сейчас пытаешься переложить на меня свои грехи?! Не смей разговаривать со мной так, словно ты меня знаешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

— Той наивной и доверчивой девочки, которую ты знал, больше не существует. Я не верю людям... и не верю в Бога, — едва слышно добавила она.

— Иногда всё же веришь. Я знаю, как отчаянно ты молилась...

— Заткнись! Я никогда не молюсь.

— В больнице, — безжалостно продолжил он. — Когда сходила с ума от страха, что потеряешь её.

— Заткнись!!!

Он замолчал. С его лица мгновенно слетела вся былая насмешливость — впервые за этот вечер он стал пугающе серьёзным.

— Вот видишь, — тихо произнёс он. — Ты просто не хочешь помнить.

Тишина вернулась.

Тяжёлая, осязаемая, давящая на плечи.

— Ева, ты снова всё ломаешь.

Пауза...

— Но в этот раз...

Он снова бросил взгляд в сторону комнаты, где спала Мира.

— ...я не позволю тебе всё испортить.

В этот самый момент в кармане у Адама требовательно зазвонил телефон.

— Прости, надо ответить, — бросил он Еве и тут же переключился на звонок:

— Да, я занят. Перезвони позже.

— Стой, Адам... — раздался в трубке строгий, но на удивление дружелюбный голос. — Что ты творишь? Тебе нельзя там находиться.

— Вообще-то у меня не было выбора. Он уже переходит все границы.

— Главное — сам удержишься на грани, помнишь?

Адам горько усмехнулся.

— Это твои слова или отец надиктовал, что говорить? Ладно, поговорим позже, я занят, — пробормотал он быстро сбросив вызов.

«Да знаем мы, насколько ты занят», — мысленно хмыкнул человек на том конце провода, глядя на потемневший экран.

Ева замерла не в силах пошевелиться «Что этот псих вообще несёт? И надо же было когда-то так влюбиться, чтобы выбрать в отцы своему ребёнку законченного сумасшедшего...»

— Уходи.

Он коротко кивнул.

— Уже.

Развернувшись, Адам направился к выходу.

Но у самой двери остановился.

Не оборачиваясь, он негромко произнёс:

— И да... В том, что случилось, не совсем твоя вина.

Ева нахмурилась.

— Что?

Он едва заметно повернул голову в её сторону.

— Нас ведь не из-за тебя выставили из «Рая»

Дверь закрылась. Снова воцарилась глухая тишина.

Прошла секунда. И в этот миг внутри неё словно сработал невидимый переключатель. Это была не просто мысль и даже не вспышка воспоминания. Это было нечто гораздо большее.

Музыка. Оглушительная, тяжёлая. Она вибрирует в воздухе и бьёт прямо в грудь. Яркий свет нещадно режет глаза. Чей-то смех...

И посреди всего этого безумия — Ева.

Совсем другая. Настоящая, живая, громкая и абсолютно свободная.

Она заливисто смеётся, запрокидывая голову назад.

— Ты серьёзно привёл меня именно сюда? — кричит она, пытаясь перекрыть гул.

Он стоит рядом.

— А что, разве не похоже на рай?

Она закатывает глаза.

— Если это рай, то у меня появились вопросы к здешней системе ценностей.

Он усмехается, глядя на неё с нескрываемым восхищением.

— Ты вечно во всём сомневаешься, Ева.

— А ты всегда слишком уверен в себе.

— Исключительно в одном — в том, что безумно люблю тебя.

Она искренне, в голос рассмеялась.

— Не самое лучшее место ты выбрал для первого признания!

В ту ночь они без конца танцевали. Слишком много целовались. И выпили невероятное количество коктейлей.

Ева танцует, хмелея с каждой минутой... Свободно, без оглядки на правила. Без привычного контроля. Её движения кажутся слишком вызывающими и смелыми.

— Родная, полегче, на тебя же все смотрят, — с мягкой улыбкой шепчет он ей на ухо.

— И прекрасно! — смеётся она в ответ. — Здесь все так себя ведут!

— Ладно-ладно Может, лучше отвезти тебя домой? Мне кажется, кое-кто уже перебрал.

— Нет уж! Я сегодня закончила первый курс, и между прочим — на отлично! Имеет право прилежная студентка хоть раз побыть плохой девочкой? Сегодня мне можно всё: танцевать, пить, ловить кайф от жизни и снова танцевать!

Ева упивалась собственной неотразимостью. Точнее, это алкоголь внушал ей мысли о полном превосходстве и абсолютной свободе. Не прекращая двигаться в такт музыке посреди бурлящей толпы, Ева дерзко расстегнула пару верхних пуговиц на блузке. Адам в этот момент как раз отвлёкся — уткнулся в экран телефона, пытаясь вызвать такси через приложение.

— Эй... — раздалось совсем рядом.

Голос был чужим.

Парень. Весь его вид так и лучился самоуверенностью, граничащей с откровенным надмением.

— Ты одна здесь?

Ева пьяно рассмеялась.

— А ты на это надеешься?

Вместо ответа он лишь ухмыльнулся и шагнул к ней. Слишком быстро, нарушая все границы.

— Я просто подумал, что ты выглядишь... свободной.

— Ошибся, — резко оборвала его она, но улыбка всё ещё не сошла с её лица.

Но незнакомца это не остановило. Музыка вокруг словно стала ещё громче, закладывая уши. Парень бесцеремонно положил ладонь ей на талию, но Ева тут же скинула его руку.

— Не трогай меня.

— Да ладно тебе, расслабься, — усмехается он. — Ты же сама...

Договорить он не успел. Чья-то сильная рука мёртвой хваткой вцепилась в его плечо и с силой рванула назад.

— Она сказала «нет», — ледяным тоном произнёс Адам.

Парень лишь дерзко усмехнулся в ответ:

— А ты у нас кто? Муж?

— Пока нет, — отозвался Адам

Повисла короткая, зловещая пауза.

— Но ты уже зря это начал.

Ева ошеломлённо уставилась на Адама. В её глазах читалось крайнее удивление.

— Да расслабься ты, — примирительно вскинул руки парень. — Я просто...

Договорить он не успел. Хлесткий, резкий и пугающе чёткий удар прилетел ему прямо в челюсть. Без малейшего предупреждения.

Незнакомец тяжело отшатнулся назад, едва удержавшись на ногах.

Клубная музыка всё также гремела из динамиков, но люди вокруг уже начали оборачиваться, предвкушая зрелище.

— Ты с ума сошёл?! — в панике выкрикнула Ева, хватая Адама за руку, чтобы удержать.

— Напротив, — всё также невозмутимо ответил он. — Я просто быстрее других понимаю, чем обычно заканчиваются такие разговоры.

Парень тыльной стороной ладони вытер хлынувшую из разбитой губы кровь. Ответить он не успел — охрана и друзья уже подхватили его под руки, стремительно оттаскивая в сторону. Но перед тем как скрыться в толпе, он бросил на Адама тяжёлый взгляд и с кривой насмешкой процедил:

— Мы ещё встретимся, приятель.

Пауза...

Адам ничего не ответил. Он лишь молча смотрел незнакомцу вслед — долго, пугающе спокойно.

Как будто... просчитывал его или оценивал.

— Охрана! Сюда! — выкрикнул кто-то в толпе.

Вокруг поднялся шум. Чьи-то чужие, цепкие руки бесцеремонно схватили их обоих, лишая возможности двинуться.

— На выход! Живо!

— Он первый к нам полез! — попыталась заступиться за Адама Ева.

Но её никто не слушал. Секьюрити грубо поволокли их к дверям, и уже через мгновение лицо ударил ночной свежий воздух. На контрасте с душным залом это ощущалось резко, почти как пощёчина.

Придя в себя, Ева с силой вырвала свою руку из хватки Адама.

— Ты вообще нормальный? — возмущённо выдохнула она, пытаясь прийти в себя.

— Вполне, — невозмутимо отозвался он.

— Эта же была просто нелепая ситуация!

— Нет, — спокойно возразил Адам. — Это было начало.

Ева замерла.

— Чего?

Он пристально посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло какое-то странное, новое чувство.

— Начало всего...

Она невольно рассмеялась, и весь её недавний гнев мгновенно испарился.

— Ты всегда такой драматичный?

Адам ласково обнял её за плечи, привлекая к себе.

— Только с тобой...

Кажется, именно в ту секунду она окончательно поняла, что влюбилась по уши...

Ева осталась одна со своими мыслями.

В абсолютной, звенящей тишине.

Перед ней на столе так и лежало нетронутое яблоко.

И вместе с этой тишиной пришло горькое, отчётливое осознание: всё, что она годами выстраивала и считала своей привычной жизнью... прямо сейчас начинает с треском ломаться.

Глава 4

Здание компании VESPER возвышалось над городом, словно гигантский стеклянный монолит.

Слишком правильно. Слишком идеально.

Когда Ева переступила порог, её окутала стерильная прохлада. Внутри её не покидало подсознательное ощущение, будто само окружающее пространство... внимательно за ней наблюдает.

— Вас уже ждут, — приветливо произнесла девушка на ресепшене, застыв в безупречно вежливой улыбке.

Конечно ждут...

Скоростной лифт бесшумно поднял её на самый верхний этаж.

Двери открылись.

Коридор встретил её холодной пустотой. И лишь в самом его конце виднелась приоткрытая дверь кабинета. Сглотнув подступивший к горлу ком, Ева сделала шаг внутрь.

Незнакомец стоял у окна, спиной к ней. Далеко внизу раскинулся город, похожий на статичную, холодную и неуправляемую компьютерную схему. Высота полностью поглощала шум улиц — здесь, на вершине, весь остальной мир казался бесконечно далёким и ненастоящим. На мужчине был безупречный тёмный костюм без единой складки. Однако ни дорогая ткань, ни ровный матовый свет офиса не могли скрыть пугающую, монументальную силу, которая от него исходила.

Мужчина медленно обернулся.

Острые скулы, хищная линия челюсти, атрацитово-тёмные волосы. Глубокие, почти чёрные глаза посмотрели на Еву в упор. На секунду ей показалось, что этот человек видит её насквозь, — заглядывает в такие потаённые глубины её души, куда никто и никогда раньше не осмеливался смотреть.

И в это самое мгновение привычный ход времени будто... споткнулся.

— Я ждал вас, — негромко произнёс он.

Голос.

Спокойный. Бархатистый. Глубокий.

И... пугающе знакомый.

Ева замерла, почти перестав дышать.

Сердце глухо и тяжело ударило в рёбра. Она была уверена, что никогда раньше не видела этого человека. И всё же в его интонации сквозило что-то до боли, до дрожи знакомое.

— Вы пригласили меня на работу? — стараясь удержать голос от дрожи, спросила она.

— Я слышан о вас, — Люциан едва заметно наклонил голову. — Нам нужны специалисты вашего уровня.

Он сделал небольшую паузу, и атмосфера в кабинете мгновенно изменилась, став более деловой, но от этого не менее напряжённой.

— Итак, в вашей компетентности сомнений нет, поэтому давайте сразу перейдем к главному. Попробуйте найти уязвимость в моей системе, — произнёс он. В его негромком тоне отчётливо слышалось, что он вкладывает в это задание несколько смыслов одновременно.

Люциан не отводил от неё пристального, изучающего взгляда.

— Начнём? — спокойно предложил он и жестом указал на рабочее место.

Несколько массивных мониторов уже светилось в полумраке кабинета. Чёрный фон. Мерцающие неоновые строки кода. Живые. Подвижные.

Ева сделала глубокий вдох и села в кресло.

Пальцы привычно, со знакомым щелчком легли на клавиши. И в то же мгновение весь остальной мир, включая гнетущие страхи, просто перестал для неё существовать.

Система Люциана была странной. На первый взгляд — пугающе, безупречно идеальной. Но чем глубже Ева погружалась в хитросплетения программного кода, тем отчётливее интуиция подсказывала ей: здесь что-то не так.

— Вы оставили это специально, — негромко произнесла она, даже не глядя в сторону собеседника. Её глаза неотрывно следили за бегущими строками на экране. Люциан едва заметно склонил голову к плечу, на его губах промелькнула загадочная улыбка.

— Возможно.

Ева слегка прищурилась, принимая вызов.

Она уверенно преодолела первый слой защиты: — он оказался невероятно сложным, но подчинился строгой человеческой логике. Второй слой заставил её попотеть: он был адаптивным, живым, способным обучаться прямо на ходу. На третьем рубеже она была вынуждена замереть.

Секунда.

Ещё одна, бесконечная долгая...

И вдруг среди монолитных цифровых стен мелькнула едва заметная, ювелирная брешь. Настолько крошечная и аккуратная, что любой рядовой специалист прошёл бы мимо, даже не обратив внимания. На губах Евы заиграла торжествующая улыбка.

— Нашла.

Её пальцы стремительно выбили финальную команду... а затем послушно выдала полный доступ.

— Прекрасно, — вкрадчиво произнёс Люциан. Он плавно откинулся на спинку кожаного кресла и нетерпеливо сцепил пальцы в замок.

— Вы отлично справляетесь и, без сомнения, нам подходите. Пожалуй, даже лучше, чем я ожидал, — его голос звучал мягко, но в нём отчётливо угадывалась привычка отдавать приказы. — От вас мне понадобится полная вовлечённость. Порой придётся задерживаться допоздна. Разумеется, сверхурочные будут щедро оплачены. Вы готовы к такому ритму? И напомните: каково ваше семейное положение? Муж? Дети?

Ева опустила взгляд, чувствуя, как земля уходит из-под ног. События развивались слишком стремительно. Она-то настраивала себя на дежурное, безликое: «Мы изучим вашу кандидатуру и свяжемся с вами в течение недели».

— Да, у меня дочь, ей семь, — Ева заговорила быстрее, чем следовало. — До сих пор я работала удалённо, на дому, но сейчас экстренно ищу няню — нагрузка выросла, я перестала справляться сама. Правда, девочка у меня с характером, ладит далеко не со всеми, но я планирую...

Она резко осеклась, мысленно выругав себя за минутную слабость. С чего вдруг она разоткровенничалась перед едва знакомым мужчиной? Какое ему дело до её домашних трудностей и чужих детских капризов?

Однако собеседник не выказывал скуки. Напротив, он слушал её с пугающим, почти гипнотическим вниманием. В уголках его губ затаилась едва заметная улыбка.

— Вы нужны нам немедленно, — произнёс он, и в его интонации промелькнуло что-то собственническое. — В идеале — прямо с завтрашнего утра. Но я, конечно, не варвар и готов дать вам пару дней, чтобы уладить семейные дела. Поиск человека, которому доверяешь ребёнку, — задача тонкая. Впускать в дом незнакомцев опасно.

От такой проницательности Ева окончательно растерялась.

— Спасибо... Спасибо за понимание, — тихо выговорила она. Сердце предательски застучало где-то в районе горла.

Люциан улыбнулся — открыто, хищно и одновременно интригующе.

— Вы так взволнованы, что даже забыли спросить о главном — об окладе, — хмыкнул он, откидываясь на спинку кресла. — Что ж, возьму инициативу на себя. Наша компания умеет ценить редкие кадры. Мы предложим вам цифру, которая позволит нанять не просто няню, а личного шофёра и целую команду стилистов в придачу. Хотя... — он скользнул по ней оценивающим, но неуловимо тёплым взглядом, — такой очаровательной женщине, как вы, услуги стилиста явно ни к чему.

Ева промолчала, не зная, куда деть руки.

«Интересно, это была неуклюжая попытка сделать комплимент или он просто так специфически шутит?» — пронеслось у неё в голове.

— Мне и шофёр не нужен, я предпочитаю сама быть у руля, — отрезала Ева чуть резче, чем собиралась. И лишь секунду спустя, поймав его взгляд, осознала двусмысленность собственных слов.

— Не сомневаюсь, — отозвался Люциан с абсолютно серьёзным видом, хотя в глубине его глаз промелькнула смешинка, а уголки губ едва заметно дрогнули.

Он вернулся к своему столу и сел с таким невозмутимым видом, будто они обсуждали прогноз погоды, а не личные границы. Щёлкнув дорогой ручкой, Люциан раскрыл следующую папку, мгновенно переведя разговор в сугубо деловое русло:

— Я правильно понимаю, что ваш основной профиль — это аналитика?

Ева уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь кабинета бесцеремонно распахнулась. На пороге появился молодой сотрудник. Он тяжело дышал и заметно нервничал, комкая в руках какие-то распечатки.

— Простите, сэр, но серверы снова дали сбой! Отдел маркетинга...

— Я просил не входить без разрешения, — негромко перебил Люциан.

Он даже не повысил голоса, но от этой обманчиво спокойной, ледяной интонации воздух в кабинете словно мгновенно сгустился и стал тяжёлым. Парень осёкся на полуслове, так и замерев с открытым ртом.

Люциан медленно поднял на него взгляд.

— Если проблема повторилась дважды, это означает лишь одно: вы либо проигнорировали мои указания, либо просто не способны их выполнить. Какой из вариантов верный?

Сотрудник побледнел так, что на лице проступили веснушки.

— Сэр, мы просто...

— «Просто» — худшее слово для оправданий, — отчеканил Люциан, и в его голосе звякнул металл. — У вас есть ровно десять минут, чтобы всё исправить. Если не успеете, можете больше не возвращаться в этот офис. Свободны.

В кабинете повисла звенящая, удушливая тишина.

— Понял, сэр, — едва слышно прошептал парень и поспешно ретировался, тихо прикрыв за собой дверь.

Люциан снова перевёл взгляд на Еву. Тяжёлая аура автократа испарилась так же стремительно, как и появилась. Он непринуждённо откинулся на спинку кресла и мягко улыбнулся:

— Прошу прощения за эту сцену. На чём мы остановились?

Ева едва нашла в себе силы кивнуть. Её поразила даже не его жёсткость — в крупных корпорациях это нередкость. Пугало то, с какой пугающей лёгкостью он переключался между ролями. Словно внутри этого человека уживались две абсолютно разные личности, разделённые глухой стеной.

И почему-то именно это насторожило её сильнее всего.

Глава 5

Вечер мягко ложился на комнату, окрашивая стены тёплым золотистым светом. Ева чуть нервно поправила волосы и бросила быстрый взгляд на дверь — звонок раздался ровно в назначенное время. Точность незнакомки интриговала.

Она открыла дверь.

На пороге стояла молодая женщина, и Ева тут же поймала себя на мысли, что представляла её себе совсем иначе. Перед ней была не просто няня. Пожалуй, она была... слишком выразительна для этой роли.

Тёмные, почти чёрные волосы мягкими волнами спадали на плечи. Взгляд — глубокий, пронизательный, словно она видела гораздо больше, чем показывала. На губах играла лёгкая улыбка — тёплая, но с едва уловимым, острым привкусом тайны.

— Здравствуйте, — мягко произнесла гостья. — Я Лилиан, но друзья обычно зовут меня Лилит.

Ева на секунду замерла, поражённая этим именем. Почему-то в груди шевельнулось смутное беспокойство, но одновременно с этим накатила странная волна спокойствия. Контраст чувств сбивал с толку.

— Проходите, — кивнула она, отступая в сторону.

Лилит вошла уверенно, но без лишней навязчивости. В её плавных, почти кошачьих движениях чувствовалась скрытая грация. Казалось, она с первого же шага безошибочно «почувствовала» и подчинила себе пространство квартиры.

И именно в этот момент из глубины комнаты выглянула Мира.

Маленькая, настороженная... и безумно любопытная.

Их взгляды встретились. И в воздухе словно проскочила невидимая искра — что-то неуловимо изменилось.

Лилит плавно присела, чтобы оказаться на одном уровне с ребёнком, но не стала приближаться слишком резко, уважая чужие границы.

— Привет, — негромко сказала она, и её голос прозвучал удивительно певуче. — Ты Мира?

Девочка несмело кивнула.

— А ты любишь рисовать? — Лилит скользнула взглядом чуть ниже, заметив зажатые в маленьких пальчиках фломастеры.

Глаза Мира тут же загорелись неподдельным интересом.

— Да! Я рисую принцесс... деревья... и ещё дом! — воскликнула девочка.

— Дом? — Лилит улыбнулась, и в её голосе зазвучал искренний интерес. — А кто в нём живёт?

Мира на секунду задумалась, разглядывая мыски своих туфелек.

— Я... мама... и папа иногда...

Ева внутренне напряглась, готовая к неловким вопросам, но Лилит даже не посмотрела в её сторону. Всё её внимание по-прежнему принадлежало только ребёнку.

— Значит, это очень особенный дом, — тихо, почти заговорщически произнесла она. — Раз в нём живёшь ты.

Мира расплылась в улыбке. И это была уже не просто детская вежливость — это было чистое, безоговорочное доверие.

Лилит аккуратно, кончиками пальцев приняла из рук девочки лист бумаги.

— Покажешь, как ты рисуешь деревья? Я бы очень хотела у тебя научиться.

— Правда? — удивилась Мира, широко распахнув глаза.

— Конечно. Уверена, у тебя это получается гораздо лучше, чем у меня.

Мира засмеялась — звонко, заливисто и так свободно, будто знала Лилит всю свою жизнь.

Ева наблюдала за ними со стороны, прислонившись к дверному косяку. Что-то в этой сцене казалось... слишком идеальным. Почти гипнотическим. Но вместе с лёгким уколом тревоги она почувствовала огромное, непередаваемое облегчение. Мира росла замкнутой и крайне редко открывалась чужакам. А сейчас...

Сейчас малышка уже вовсю тянулась к Лилит. Она наперебой показывала свои рисунки, что-то быстро и увлечённо рассказывала, то и дело перебивая саму себя от избытка чувств.

Но стоило Мире на секунду отвернуться, чтобы достать со стола новый альбом, как маска Лилит соскользнула.

Взгляд её глаз мгновенно изменился. Он стал ледяным, пугающе глубоким, и в нём отчётливо мелькнуло что-то расчётливое, даже хищное. Лилит медленно перевела глаза на замершую Еву.

На её губах заиграла едва заметная, торжествующая улыбка. Словно она произнесла без слов:

«Я уже внутри».

Мира, увлечённая новыми «уроками рисования», уже устроилась на полу, вовсю шурша фломастерами. Лилит позволила ей с головой уйти в свой маленький мир, а сама плавно, беззвучно поднялась.

Ева жестом пригласила её на кухню.

— Давайте немного поговорим, — тихо сказала она, бросив прощальный взгляд на погружённую в творчество дочку.

Лилит понимающе кивнула и последовала за хозяйкой. Она двигалась всё так же спокойно, уверенно, будто этот дом и его планировка были ей давно знакомы.

Они сели за стол друг напротив друга. На секунду в воздухе повисла плотная, звенящая пауза, нарушаемая лишь далёким скрипом фломастеров из гостиной.

— Она у вас... особенная, — первой нарушила молчание Лилит, мягко и располагающе улыбнувшись. — Очень чувствительная. И невероятно наблюдательная.

Ева слегка удивилась такой проницательности.

— Да... Вы удивительно быстро это заметили.

— Такие дети чувствуются сразу, — Лилит чуть наклонила голову набок, отчего тёмная прядь скользнула ей на лицо. — Она не просто играет. Она проживает каждый сюжет. Фантазирует гораздо глубже, чем может показаться со стороны.

Ева почувствовала, как внутреннее напряжение, сковывавшее её весь вечер, наконец начинает отпускать. В голосе Лилит не было дежурной фальши — только тёплая, обволакивающая уверенность.

— Иногда с этим сложно, — призналась она, поддавшись этому странному доверию. — Мира может намертво закрыться в себе... если её что-то тревожит. Или если человек ей не нравится.

Лилит на мгновение задумалась, словно взвешивая каждое слово.

— Но меня она приняла, — тихо, почти шёпотом произнесла она.

В её тоне не было ни капли хвастовства. Скорее — сухая, непреложная констатация факта.

Ева улыбнулась, ощущая, как с души свалился огромный камень:

— Да... это правда. Обычно ей требуется много времени, чтобы подпустить к себе кого-то чужого.

— Я не стану давить на неё, — пообещала Лилит, преданно глядя Еве в глаза. — Но и не оставляю одну в её переживаниях. С такими детьми жизненно важно быть рядом... даже когда они изо всех сил делают вид, что ни в ком не нуждаются.

Ева внимательно посмотрела на неё, поражённая тем, как точно эта женщина сформулировала её собственные материнские страхи.

— А что ей больше всего нравится? — спросила Лилит, мягко переводя разговор в новое русло. — Кроме рисования, конечно.

— Сказки, — ответила Ева. — Но не обычные, из книжек. Она любит сочинять свои собственные. И... иногда задаёт очень странные вопросы.

— Например? — в голосе Лилит мелькнул неподдельный интерес.

— Про добро и зло... Про то, почему люди обманывают друг друга... — Ева чуть усмехнулась, качнув головой. — Для её возраста это... неожиданно.

Лилит улыбнулась, но в глубине её глаз вспыхнуло что-то тёмное и пугающе глубокое.

— Значит, она уже чувствует правду, — тихо обронила она.

Ева не сразу поняла, что именно в этой короткой фразе её задело. Но по коже пробежал едва заметный холодок. На секунду на кухне повисла плотная, осязаемая тишина.

Из гостиной донёсся звонкий голосок Миры:

— Лилит, смотри, какое дерево я нарисовала!

Лилит повернула голову на звук, но не поспешила встать. Сначала она снова посмотрела на Еву. Прямо. Спокойно. И так уверенно, словно исход этой встречи был предreshён задолго до её начала.

— Если вы позволите... я могу стать для неё кем-то большим, чем просто няней, — негромко произнесла она. — Я действительно умею находить подход к таким детям.

Ева сделала глубокий вдох. Внутри боролись два полярных ощущения — странное, убаюкивающее спокойствие и тонкая, как игла, тревога. Но, глядя на счастливую Миру, на то, как легко девочка потянулась к этой загадочной женщине... Решение будто пришло само собой, вытеснив все сомнения.

— Я буду очень рада, если вы согласитесь работать у нас, — сказала Ева.

И в то же мгновение Лилит улыбнулась. Тепло, почти нежно, словно празднуя маленькую победу.

— Тогда я останусь.

Где-то в глубине квартиры Мира снова беззаботно засмеялась.

А Ева ... Ева отчётливо почувствовала, как в её доме что-то изменилось. Не резко. Не заметно. Но... необратимо.

Глава 6

Прошло две недели.

Дом будто привык к присутствию Лилит. Ева стала спокойнее, Мира — веселее, а сама няня словно незаметно вплелась в их будни так естественно, будто всегда была частью этой маленькой семьи.

Ева с Лилит уже перешли на «ты». Они сблизились особенно сильно после того, как Лилит поделилась своей личной драмой. Она тихо поведала, что не может иметь детей, и именно в профессии находит утешение, без остатка отдавая себя чужим малышам. Так она отчасти компенсировала нереализованное материнство и заботилась о подопечных как о родных — если бы они у неё были...

Ева больше не называла её Лириан. Раз уж для друзей она была Лилит, то теперь это имя прочно закрепилось за ней. Она действительно стала настоящим другом и для Евы, и для её дочери.

Школьный двор постепенно пустел. Родители и бабушки разбирали детей, повсюду слышались звонкие голоса, смех и хлопанье автомобильных дверей у ворот.

Лилит стояла чуть в стороне, безупречно спокойная, и внимательно наблюдала за потоком выходящих учеников.

Мира выбежала на крыльцо одной из первых, с рюкзаком, съехавшим на одно плечо. Но её личико было сердитым и нахмуренным.

— Что случилось? — мягко спросила Лилит, перехватывая её руку и забирая тяжёлый ранец.

Мира взволнованно пробормотала, шмыгнув носом:

— Джек опять дразнил меня. Сказал, что я странная... и что со мной никто никогда не будет дружить.

Лилит плавно присела перед ней, чтобы смотреть девочке прямо в глаза. Её взгляд был тёплым, но в нём сквозила какая-то гипнотическая сила.

— И что ты почувствовала? — тихо спросила она.

— Злость... — выдохнула Мира, и её кулачки крепко сжались.

— Это нормально, — тихо сказала Лилит, аккуратно убирая выбившийся локон за ушко девочки. — Иногда обидчиков нужно учить.

Мира недоверчиво нахмурилась:

— Но как?

Уголки губ Лилит дрогнули в едва заметной, загадочной улыбке.

— У тебя есть сила, Мира. Гораздо больше, чем ты думаешь. Иногда достаточно просто... очень сильно захотеть справедливости.

Мира инстинктивно обернулась, ища глазами своего обидчика. В этот самый момент Джек, громко смеясь в компании друзей, сломя голову побежал к воротам. И вдруг резко, пронзительно вскрикнул. Его нога неестественно подвернулась, он потерял равновесие и с размаху полетел прямо на жёсткий асфальт. Позади него с тихим стуком отлетел в сторону небольшой серый камень.

— Джек! — к нему тут же бросилась испуганная мать. Она помогла плачущему сыну подняться и сердито отчитала: — Сколько раз тебе говорить — смотри под ноги!

— Но тут не было камня! — сквозь слёзы возмутился мальчик, морщась от резкой боли в лодыжке. — Клянусь, его тут не было!

Мира застыла, не в силах пошевелиться. Сердце в её груди испуганно замерло. Она медленно, со страхом и благоговением перевела взгляд на няню. Лилит стояла абсолютно спо-

койно, словно вокруг неё не происходило ничего необычного. И только в глубине её тёмных глаз мелькнула торжествующая тень улыбки.

— Это... я? — едва слышно прошептала Мира.

Лилит наклонилась к самому её уху, обдав тёплым дыханием:

— Ты просто захотела справедливости.

— Мама не одобрит... — Мира растерянно захлопала ресницами. — Она ни за что не поверит. Как мне ей обо всём рассказать?

— Маме не обязательно знать об этом, — мягко, но непреклонно перебила Лилит.

— Но...

— А я тебе верю, — тихо, заговорщически произнесла Лилит. — И хочу, чтобы ты тоже верила себе.

Мира промолчала, переваривая случившееся. В её маленькой головке рушился привычный мир.

Лилит ласково взяла её за руку и повела прочь со школьного двора к припаркованной машине.

— Запомни одно, малышка: если кто-то причиняет тебе боль, он должен платить цену за свои поступки.

Слова Лилит прозвучали спокойно. Почти ласково. Но от этой вкрадчивой интонации по спине пробежал настоящий мороз.

Тем временем на другом конце города, у стеклянных дверей высотки, где располагался офис компании, сгущались совсем другие сумерки. Адам стоял у самого выхода, зажав в руке букет белых роз. От долгого ожидания он уже начал нервно мять пальцами обёртку, ломая сочные зелёные стебли.

Он не сводил напряжённого взгляда с массивных дверей, ловя каждое отражение в зеркальных стёклах. Смартфон был до боли прижат к уху.

— Я должен ей всё рассказать, — глухо, сдерживая подступающую ярость, бросил он в трубку. — Иначе я потеряю её. Окончательно и навсегда.

Голос на другом конце провода оставался ледяным и размеренным:

— Отец просил тебя не вмешиваться. Ты нарушаешь договор.

Адам до хруста стиснул челюсти, на его скулах заиграли желваки.

— Это моя жизнь. И моя женщина.

— Ты прекрасно знаешь, что отец так не считает. Для него мы все лишь фигуры на доске.

— Мне плевать, что считает отец! — прорычал Адам, привлекая к себе случайные взгляды прохожих.

На секунду в трубке повисла тяжёлая, зловещая пауза. А затем собеседник тихо, почти с жалостью произнёс:

— Слишком поздно, Адам. Некоторые решения уже приняли за тебя. Не совершай глупостей.

Короткие гудки оборвали нить разговора. Адам медленно опустил руку с телефоном. В этот самый миг автоматические двери компании бесшумно разъехались в стороны.

На крыльцо вышла Ева.

В лучах заходящего солнца она выглядела потрясающе, но в её осанке чувствовалась глухая усталость. Адам сделал резкий шаг вперёд, преграждая ей путь.

— Ева... — его голос сорвался.

Она вздрогнула и остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену. Адам жадно всматривался в её лицо, пытаясь найти хоть каплю прежней нежности, но взгляд Евы оставался абсолютно холодным. В нём не было тепла. Не было радости. Только бесконечные, тяжёлые вопросы и глухая обида.

Несколько секунд они просто стояли посреди людского потока и молча смотрели друг на друга, разделённые пропастью недосказанности.

— Ева... — тихо, почти умоляюще произнёс он.

Она сделала несколько шагов навстречу, но остановилась на безопасном расстоянии, словно между ними была проведена невидимая черта.

— Что ты здесь делаешь, Адам? — её голос прозвучал ровно, но в нём сквозила звенящая сталь.

Адам несмело протянул ей букет:

— Жду тебя.

Ева даже не взглянула на розы. Её руки остались безжизненно висеть вдоль тела.

— Дай мне один вечер, — быстро, боясь, что она уйдёт, заговорил он. — Всего один ужин. Я всё объясню.

— Всё? — сдержанно, с горькой усмешкой переспросила Ева. — Ты исчез на восемь лет, Адам. Просто испарился. А теперь появляешься на пороге моей работы с охапкой цветов и говоришь, что готов объяснить «всё»?

— Да.

— Почему именно сейчас? — Ева сделала шаг вперёд, и её глаза сузились. — К чему такая спешка? Может, стоило дождаться совершеннолетия Миры? Куда торопиться? — Она била наотмашь, стремясь уколоть его как можно сильнее, выместить всю ту изнуряющую боль, которую несла в одиночестве эти годы.

Имя дочери заставило Адама вздрогнуть. По его лицу пробежала судорога, но он упрямо выдохнул:

— Потому что только сейчас я понял, что могу потерять тебя окончательно.

— Ты потерял меня восемь лет назад, — отрезала Ева.

Эти слова сорвались с её губ прежде, чем она успела их обдумать, и ударили по обоим сильнее, чем она ожидала. Воздух между ними словно стал дефицитом.

Адам сделал шаг ближе, нарушая её личные границы. От него пахло знакомым парфюмом и морозной тревогой.

— Тогда дай мне шанс хотя бы попытаться всё исправить.

Она всматривалась в его до боли знакомые черты. В его лице сейчас не было глянцевої маски — только пугающе настоящее, обнажённое чувство. Глубокая усталость под глазами, жёсткое напряжение в плечах... и страх. Настоящий, животный страх потерять её навсегда.

— И что же ты собираешься мне рассказать? — уже тише спросила она.

— Почему я тогда ушёл.

— Это я уже слышала, Адам. Твоё исчезновение сказало мне более чем достаточно.

— Нет, — качнул он головой, и в его глазах блеснула отчаянная решимость. — Ты слышала только моё вынужденное молчание. Теперь ты услышишь правду.

Ева резко отвела взгляд в сторону, не в силах выносить этот пронзительный напор. Сердце предательски заныло.

— Правда бывает запоздалой, Адам. Иногда она превращается в ненужный хлам.

— Но она всё ещё может что-то изменить, — горячо возразил он.

Она невольно усмехнулась — горько, без намёка на веселье.

— Ты всегда был уверен, что можешь всё исправить красивыми словами, — тихо произнесла она, глядя куда-то мимо него.

— Сегодня красивых слов не будет. Только факты, — пообещал Адам.

Он протянул руку ладонью вверх — не касаясь её, не принуждая, а просто предлагая выбор.

— Поужинай со мной, Ева. Всего один раз. Если после этого ты скажешь, что не хочешь меня видеть, я клянусь: я больше никогда не появлюсь в твоей жизни без твоего на то желания.

Ева долго молчала. Шум улицы словно отдалился, заглушённый стуком её собственного сердца. Она взвешивала каждый свой шаг, понимая, что ступает на тонкий лёд.

— Только ужин, — наконец глухо согласилась она. — И только чистая правда. Без недоговорок.

— Договорились.

Она крепче сжала ремешок сумочки и пошла рядом с ним к припаркованному у обочины автомобилю. Адам привычным, до автоматизма отточенным движением распахнул перед ней пассажирскую дверь — точно так же, как делал это много лет назад. И эта мимолётная забота неожиданно больно кольнула старой памятью. Внутри у Евы всё перевернулось.

Когда машина мягко тронулась с места и влилась в вечерний поток, Ева повернула голову к окну, бездумно разглядывая бегущие мимо витрины. Она даже не догадывалась, что в этот самый момент из панорамного окна верхнего этажа элитного здания корпорации VESPER за их удаляющимся автомобилем внимательно наблюдают.

Люциан стоял у окна. В его руке медленно остывал янтарный виски в тяжёлом хрустальном бокале. Смартфон, прижатый к уху, транслировал тихие помехи, прежде чем в динамике раздался глубокий мужской голос:

— Состояние ухудшается.

Люциан на секунду прикрыл глаза, его лицо оставалось непроницаемым.

— Насколько всё серьёзно?

— Врачи не дают никаких гарантий. Счёт идёт на часы.

В просторном кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Собеседник немного помедлил и напряжённо продолжил:

— Люциан, если полиция или родственники начнут копать и проведут полное расследование, могут возникнуть очень ненужные нам вопросы. Историю не удастся замять так просто.

Люциан сделал медленный глоток, смакуя обжигающий алкоголь, и с негромким стуком поставил бокал на полированный стол.

— Вопросы возникают всегда, — равнодушно отозвался он, и в его глазах блеснул холодный опасный огонёк.

— Но ответы бывают разные, — многозначительно парировал голос в трубке.

На губах Люциана появилась едва заметная, хищная усмешка. Он снова повернулся к окну, всматриваясь в сумерки мегаполиса.

— И что говорят наши специалисты?

— Они уже нашли зацепку. У объекта обнаружены признаки врождённой сосудистой патологии. Есть большая вероятность, что официальной причиной смерти назовут именно её. Естественные причины, понимаешь?

— Вероятность? — Люциан требовательно приподнял бровь.

— Очень высокая, — заверил собеседник. — Практически стопроцентная. Ниточки к нам не приведут.

Люциан несколько секунд задумчиво разглядывал собственное бледное отражение в панорамном стекле.

— Этого достаточно, — наконец произнёс он, и его голос прозвучал удивительно мягко. — В таком случае всё будет выглядеть как естественное развитие событий.

— Так оно и должно выглядеть, — подтвердил собеседник.

В трубке повисло короткое молчание, прерываемое лишь едва слышным шуршанием медицинских приборов на том конце провода.

— Есть ещё что-нибудь, о чём мне следует знать? — осведомился Люциан.

— Нет. Всё под контролем. Остальное врачи сделают сами.

Люциан едва заметно кивнул, хотя напарник не мог его видеть:

— Хорошо.

Он завершил вызов и небрежным жестом бросил телефон на полированную поверхность стола. Ещё какое-то время он неподвижно стоял у окна, наблюдая, как на город стремительно опускается душная ночь. Затем его взгляд скользнул к лежащей на краю стола кожаной папке — той самой, которую он изучал перед прерванным собеседованием с Евой.

Он открыл её, быстро пробежал глазами несколько страниц с плотными колонками цифр и личными данными, а затем резко захлопнул. Будто окончательно убедился, что каждая деталь его плана находится именно там, где ей надлежит быть.

За окном, расколов потемневшее небо над мегаполисом, беззвучно сверкнула ослепительная молния. Лишь мгновение спустя стёкла кабинета едва заметно завибрировали от глухого, далёкого раската грома.

Люциан усмехнулся одним уголком губ, и эта улыбка больше походила на оскал хищника.

— Иногда судьбе нужно немного помочь, — тихо, почти интимно произнёс он в звенящую пустоту огромного кабинета.

И если бы в этот миг кто-то находился рядом, он ни за что не смог бы сказать наверняка: шутил этот человек или говорил со смертельной, пугающей серьёзностью.

Глава 7

Ресторан был полупустым и тихим, с приглушённым янтарным светом и едва слышной, убаюкивающей джазовой музыкой. За огромными панорамными окнами шумел и мерцал огнями дождливый ночной город, но внутри, за их угловым столиком, воздух казался густым и наэлектризованным от напряжения.

Ева почти не притронулась к ужину. Изысканные блюда на тарелке успели полностью остыть. Она сидела идеально прямо, скрестив руки на груди, и гипнотизировала Адама холодным взглядом.

— Ты обещал мне чистую правду, — напомнила она, прерывая затянувшееся молчание. — Я слушаю. Говори.

Адам долго и неотрывно смотрел в свой бокал с водой, словно пытался разглядеть на дне остатки угасающего мужества или просто собирался с силами.

— После того вечера в клубе... восемь лет назад... всё изменилось бесповоротно, — глухо начал он.

Ева слегка нахмурилась, в её памяти замелькали обрывки воспоминаний:

— Какого именно вечера?

— В «Раю».

Ей не нужно было ничего объяснять, она сразу всё вспомнила. Слишком отчётливо. Оглушающая музыка, вспышки неоновых светов, молодая, безумно влюблённая Ева, терпкий алкоголь, горячие поцелуи на танцполе... и внезапная драка, которой всё закончилось.

— После той ночи со мной начали происходить пугающие, странные вещи, которые я никак не мог объяснить, — продолжил Адам, и его голос едва заметно дрогнул.

— Сначала это были просто сны. Кошмары. Но потом они превратились в нечто большее. Накатили воспоминания.

— Воспоминания? — Ева недоверчиво приподняла бровь. — О чём?

— О жизнях, которые я уже когда-то прожил.

Ева замерла, решив пока не перебивать его и дать высказаться до конца.

— Я видел совершенно разные эпохи, — Адам заговорил быстрее, его пальцы крепче сжали ножку бокала. — Разные времена. Разные города. У меня были другие имена, другие лица. Но в каждой из этих историй, Ева... в каждой до единой была ты.

Она медленно откинулась на мягкую спинку стула, её лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Серьёзно? — ледяным тоном спросила она.

— Нас звали по-разному, — упрямо повторил он, ловя её взгляд. — Мы выглядели иначе, но это были мы. Наша суть. Наши души.

— И чем же заканчивались эти твои... исторические хроники?

Адам наконец поднял голову. В его глазах отразился весь накопленный за восемь лет ужас.

— Плохо, Ева. Всегда очень плохо. Смертью.

На секунду между ними повисла такая оглушительная, плотная тишина, что стал слышен шорох дождя по стеклу.

— Ты вообще понимаешь, как всё это звучит со стороны? — сдерживая подступающий гнев, тихо спросила Ева.

— Понимаю. Поверь мне, лучше, чем кто-либо.

— Нет, Адам, не понимаешь, — отрезала она, и её голос опустился до опасного шёпота. — Это звучит как бред сумасшедшего или сценарий дешёвого фантастического фильма. Ты бросил меня беременной ради... порции плохих снов?

Он пропустил её жестокую колкость мимо ушей, слишком поглощённый собственной исповедью.

— Я действительно начал терять связь с реальностью, Ева. Иногда я просыпался посреди ночи и часами не мог вспомнить, кто я такой. Где нахожусь. Какой сегодня год и какая из всех этих чёртовых жизней — настоящая. Мой разум просто плавился.

Ева скептически усмехнулась, окинув его оценивающим взглядом:

— Адам, ты случайно... не балуешься какими-нибудь запрещёнными веществами? Это бы многое объяснило.

— Не говори глупостей, Ева! — резко выдохнул он, и в его глазах вспыхнула обида. — И я никогда не был более серьёзен, чем сейчас.

— Пока что глупости я слышу исключительно от тебя, — устало выдохнула Ева, скрестив пальцы на столе. — Ладно, продолжай, раз уж мы начали этот сеанс фантастики. Что было дальше? Тебя спасли тёмные хранители прошлых жизней? Или выдали межгалактический паспорт?

Адам раздражённо выдохнул через нос, едва сдерживая эмоции от её едкого сарказма.

— Мне помогли, Ева. Сам бы я не справился. Меня буквально собирали по кускам.

— Кто? Кто этот благодетель?

Он внезапно замолчал, отведя взгляд в сторону окна. Отрезанный кусок шторы бросал тёмную тень на его лицо.

— Я... пока не могу сказать тебе его имя, — глухо обронил он.

— Ну разумеется, — Ева горько и предсказуемо рассмеялась. — Как же иначе.

— Это не игра, Ева! — Он резко подался вперёд, отчего приборы на столе тихо звякнули. — Всё гораздо серьёзнее, чем ты думаешь.

Она тоже наклонилась ближе, так что между их лицами осталось всего пара десятков сантиметров. В её глазах зажглось опасное, холодное пламя.

— Видишь ли, Адам... Человек, который действительно пришёл сказать правду, не прячет половину истории в карман. Он выворачивает душу наизнанку. А ты снова юлишь.

Он так сильно сжал кулаки, что костяшки пальцев побелели.

— Я ушёл только потому, что искренне думал, что так спасу тебя! — отчаянно выдохнул он.

— От чего? От себя самого? От того, что тебе наскучил наш роман?

— От того, что происходит с нами каждый божий раз, когда мы вместе! От финала, который предreshён!

Ева медленно, разочарованно покачала головой, отстраняясь.

— Знаешь, что я обо всём этом думаю? — Её голос зазвучал тише, но стал свирепым и жёстким, как арктический лёд.

Адам покорно молчал, готовый принять любой удар.

— Ты фантазёр, Адам. — Первое слово упало между ними тяжёлым камнем. — И обыкновенный слабак.

Эти слова попали точно в цель. По лицу Адама пробежала едва заметная судорога, словно от физической боли.

— Ты просто трусливо сбежал, — продолжала Ева, выплёскивая всё, что копилось в ней долгие восемь лет одиночества и слёз по ночам. — Не смог взять на себя ответственность за меня, за будущего ребёнка. Не смог быть рядом, когда был жизненно необходим. А теперь, спустя годы, ты пришёл и на ходу сочинил эту красивую, мистическую легенду, просто чтобы не признавать одну простую, уродливую правду: ты струсил.

— Это не легенда... — хрипло, почти беззвучно повторил он.

— Тогда докажи мне это. Прямо сейчас. Дай мне хоть одно реальное доказательство, кроме твоих слов.

Адам открыл рот, собираясь что-то сказать, но так и не произнёс ни звука. Ему было нечего предъявить. И этот беспомощный жест ответил за него обо всём.

Ева медленно, с достоинством поднялась со своего места, поправляя подол пиджака.

— Вот именно. У тебя ничего нет.

Она решительным жестом перекинула ремешок сумки через плечо.

— Больше никогда не появляйся в нашей жизни, — отрезала Ева.

— Ева, пожалуйста... — Адам попытался приподняться, но её взгляд пригвоздил его к месту.

— Нет. Всё кончено.

Она посмотрела на него так, словно с глухим стуком закрывала перед его носом тяжёлую железную дверь. Окончательно и бесповоротно.

— Ни в моей жизни, Адам. Ни в жизни Миры. Забуди дорогу к нам.

Она развернулась и стремительно пошла к выходу, растворяясь в полумраке ресторанного зала.

Адам остался сидеть неподвижно, уставившись в одну точку. Легкомысленный джаз продолжал тихо играть из скрытых динамиков. Официанты с вежливыми улыбками лавировали между редкими столиками. Вокруг текла обычная, сытая жизнь, а внутри Адама с оглушительным грохотом рушился весь его мир, который он так отчаянно пытался склеить.

Позже ночью он оказался в каком-то полузаброшенном баре на окраине.

Заведение было почти пустым. Адам сидел у запотевшего окна, бессмысленно вращая в пальцах тяжёлый стакан с виски, уже потеряв счёт выпитому. Разговор с Евой завершился несколько часов назад, но в его голове набатом продолжали бить её хлёсткие, безжалостные слова.

Или... не только её?

На мгновение сквозь стойкий запах дешёвого табака и дезинфекторов Адам отчётливо почувствовал резкий, пронзительный аромат моря. Совсем не того, что омывало этот континент, — другого, древнего и дикого.

Хлёсткий солёный ветер трепал непривычно длинные, густые волосы Евы. Она стояла на деревянном носу старого парусного корабля, её лицо было подставлено солнцу, и она залившись, счастливо смеялась. Тогда она была совсем другой. Или это измученный разум подсовывал ему фальшивые кадры?

Картина мгновенно рассыпалась брызгами.

На её месте соткалась новая, овеянная лютым холодом. Приземистый каменный дом, затерянный высоко в горах. Зима. За узким окном беснуется седая метель, а у сложенного из валунов очага сидит Ева в длинном шерстяном платье и что-то сосредоточенно шьёт при свете лучины. Сам Адам стоит на пороге, затягивая ремни походного плаща, и обещает ей скоро вернуться. Навсегда вернуться.

«Почему... почему я тогда не остался дома? Почему оставил её одну?»

Вопрос болезненным уколом возник сам собой, но Адам, как ни пытался, не мог вспомнить ответа. Прошлое хранило свои тайны слишком крепко.

— Да уйди же ты прочь из моих мыслей! — в ярости выкрикнул он в пустоту, едва не опрокинув стакан.

Но из-за грохочущего из колонок тяжёлого рока его собственного голоса не услышал даже бармен, лениво протиравший стойку.

Воспоминание с горами растаяло, словно дым. Но взамен, не давая перевести дыхание, навалилось новое. Тяжёлое. Душное.

Теперь вокруг него пылали факелы. Древний город, зажаты в тиски каменных стен.

Разъярённая толпа позади ревела и улюлюкала на каком-то чужом, лающем языке. В воздухе пахло гарью и страхом. Адам изо всех сил бежал по узкой, мощёной брусчатке, до боли сжимая в своей руке чью-то хрупкую ладонь.

Её ладонь... Евы.

Внезапно она споткнулась, издав тихий вскрик.

«Почему... почему мы тогда не продолжили бежать?..» — запоздалый беззвучный вопрос эхом пронёсся в его голове.

Но картинка резко оборвалась, подёрнувшись рябью, прежде чем он успел увидеть, кто именно настиг их в том тёмном переулке.

Адам судорожно открыл глаза и шумно втянул ржавый воздух ртом. Перед ним снова возник обшарпанный зал полупустого бара. Он трясущимися пальцами поднёс стакан к губам и сделал очередной обжигающий глоток. Но безжалостная память уже несла его дальше, не давая передышки.

Лес. Зловещий, неестественно тихий лес, где не пели птицы.

Адам стоит на коленях в сырой колючей траве, и весь его мир сжимается до размеров одного человеческого тела. Он держит Еву на руках. Её светлое платье стремительно пропитывается липкой, горячей кровью. Золотистые волосы разметались по мокрому мху. Она слабеет с каждой секундой, но из последних сил пытается улыбнуться, глядя на него со дна своей угасающей жизни.

— Не вини себя... — сорвался с её бледных губ едва слышный шёпот.

Эти слова Адам помнил отчётливо. Так отчётливо, будто слышал их только вчера, а не в каком-то забытом Богом веке. Сердце болезненно, до физической судороги, сжалось в груди. Он переживал эту смерть прямо сейчас, здесь, за барной стойкой, хотя всё это случилось сотни... или тысячи лет назад.

Следующая вспышка пришла без предупреждения, ослепив яростным светом.

Бескрайняя песчаная пустыня. Выжженное, белёсое от зноя небо и безжалостное, смертоносное солнце. Они сидят на раскалённом бархане, до предела утомлённые, изнывая от удушающей жажды. Губы потрескались в кровь, в лёгких — раскалённый воздух.

Но они там не одни.

Рядом с ними, возвышаясь над их немощью, стоит ещё один человек. Высокий мужчина в тёмных одеждах. От него веет могильным холодом, который умудряется пробираться даже сквозь пустынный жар. Адам изо всех сил пытается взглянуть в его черты, но сознание бунтует — лицо незнакомца плывёт, смазывается и распадается на чёрные тени каждый раз, когда он пытается его рассмотреть. Словно на это воспоминание наложен древний, нерушимый запрет.

Друг? Враг? Или вечный, проклятый спутник?

Адам не знал ответа. Но на каком-то подсознательном, животном уровне он отчётливо ощущал: этот человек всегда неизменно появлялся рядом с ними. Снова и снова. Из века в век. В разных историях, в разных обликах. Словно зловещая, неотступная тень, караулящая их редкие моменты счастья.

Адам с силой потёр занывшие виски, пытаясь изгнать наваждение.

Почему... почему эти чужие, далёкие воспоминания всегда ощущаются им реальнее, осязаемее, чем всё его серое настоящее? Почему он помнил детали гибели Евы лучше, чем собственное детство? Почему высшие силы каждый раз заставляли его находить её среди миллиардов чужих лиц... только для того, чтобы в финале он снова её потерял?

Почему он раз за разом совершал одни и те же роковые ошибки, малодушно надеясь на иной, счастливый результат?

Перед ним на липкой стойке стоял уже пустой стакан. Адам невидящим взглядом смотрел сквозь стекло в глухую пустоту.

— Ещё один? — негромко спросил подошедший бармен, кивнув на пустую тару.

Адам лишь тяжело, отрешённо кивнул.

Когда новый стакан с янтарной жидкостью с лёгким стуком опустился перед ним, на соседний крутящийся стул рядом кто-то плавно опустился.

Женщина.

Адам даже не повернул головы, слишком погружённый в свой личный ад. До тех пор, пока не услышал её голос. Низкий. Бархатный. Спокойный. И знакомый до леденящей дрожи в коленях.

— Ну здравствуй, родной...

Он резко, едва не сорвав шею, обернулся. И замер, позабыв, как дышать.

Перед ним в полумраке бара сидела женщина с бездонными тёмными глазами и едва заметной, загадочной улыбкой на чувственных губах. Её красота была слишком безупречной. Слишком гипнотической. Слишком... древней для этого примитивного мира.

Лилит.

Глава 8

Бар вокруг них продолжал жить своей разгульной ночной жизнью: гудел чужими пьяными голосами, взрывался звоном разбитого стекла и давил на перепонки тяжёлым роком. Но для Адама весь этот мир перестал существовать в ту секунду, когда он встретился с ней взглядом. Звуки утонули в глухой тишине.

Лилит сидела на соседнем стуле так непринуждённо и спокойно, словно они заранее договорились встретиться именно здесь, в этом полузаброшенном кабаке на окраине. Тёмные, как грозовая туча, волосы мягкими волнами спадали на её хрупкие плечи, а ухоженные пальцы лениво, почти гипнотически скользили по тонкой ножке бокала.

Она смотрела на него с едва заметной, снисходительной насмешкой — так смотрят на нашкодившего ребёнка.

— Удивлён? — негромко спросила она, слегка склонив голову набок.

Адам медленно, словно преодолевая страшную тяжесть, выпрямился на своём стуле. Спина затекла, а воздух в лёгких стал горячим.

— Ты?.. — только и смог выдавить он хриплым, сорванным голосом.

— Я, — мягко, с кошачьей вкрадчивостью подтвердила она.

— Этого не может быть. Ты не могла найти нас здесь. Это невозможно.

Лилит тихо рассмеялась, и от этого звука у Адама на затылке зашевелились волосы.

— Знаешь, Адам, ты до сих пор говоришь эту глупую фразу каждый раз, когда твоя память просыпается и ты вспоминаешь чуть больше, чем тебе дозволено.

Он до хруста сжал челюсти. Рука, державшая стакан с виски, крупно задрожала.

— Что ты здесь делаешь? — процедил он сквозь зубы.

— Наблюдаю.

— За мной? — Адам подался вперёд, пытаясь заглянуть в её непроницаемые омуты глаз.

— За вами, — Лилит сделала едва заметный, но сокрушительный акцент на последнем слове.

Адам резко отвёл взгляд, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный страх. Память снова подкинула ему обрывки факелов и кричащей толпы.

— Не приближайся к Еве, — глухо, с затаённой угрозой произнёс он. — Слышишь меня? Оставь её в покое.

— О, дорогой мой... Уже слишком поздно для подобных предупреждений.

Его глаза вспыхнули первобытной, дикой яростью. Он подался вперёд, едва не опрокинув стойку:

— Что ты с ней сделала?! Что ты сотворила, змея?

— Ничего такого, чего бы ты не сделал сам, — абсолютно спокойно, даже скучающе ответила Лилит. Она лениво повернула к нему лицо, и в её глазах мелькнул опасный холод. — Она сама открыла мне дверь, Адам. Я просто... вошла.

Адам вскочил со стула, тяжело дыша, готовый разорвать её на части. Но Лилит даже не дрогнула. Она лишь подняла на него свой тяжёлый, древний взгляд, в котором читалось абсолютное, неоспоримое превосходство.

— Сядь, — произнесла она тихо, почти не разжимая губ.

В её низком голосе прозвучала та самая непреклонная сила, которую он так искренне ненавидел помнить. И Адам сел. Против собственной воли, чувствуя, как его собственные мышцы предательски подчиняются этому мягкому чужому приказу.

Лилит удовлетворённо улыбнулась:

— Видишь? Некоторые вещи остаются неизменными.

— Зачем ты вернулась? Чего ты хочешь от нас на этот раз? — процедил он, впиваясь пальцами в колени, чтобы сдержать дрожь.

— Потому что ты, глупый мальчик, снова всё повторяешь по кругу, — Лилит сделала ленивый глоток тёмно-рубинового вина из своего бокала. — Нашёл Еву. Выстроил хрупкую иллюзию мечты. Испугался собственной тени. Трусливо сбежал и потерял её. Всё как всегда. Твой личный, бесконечный день сурка.

— Замолчи! — сорвался на хриплый шёпот Адам.

— Нет, Адам. Хватит бегать. Пора тебе наконец научиться слушать.

Она наклонилась ближе, и до него донёлся её тонкий, дурманящий аромат, совсем не похожий на современные духи.

— Ты действительно думаешь, что я пришла сюда, чтобы причинить зло тебе или твоей маленькой дочери?

Адам резко, дико посмотрел на неё, в его глазах забилась настоящий, живой ужас:

— Даже не смей... Слышишь? Даже не смей произносить вслух слово «дочь» своими губами!

— Почему же? — Лилит изящно изогнула бровь. — Потому что голая правда режет твой изнеженный слух? — Она чуть усмехнулась, наслаждаясь его беспомощностью. — Успокойся. Я не причиню вреда ни тебе, ни Мире.

— Я тебе не верю. Ни единому твоему слову.

— Конечно. Ты никогда мне не верил, Адам. На протяжении стольких лет. И, согласишься, абсолютно всегда в итоге оказывался неправ.

Она говорила мягко, почти ласково, баюкая его своими интонациями, и от этой противоположной нежности становилось только страшнее. Кожа на руках Адама покрылась ледяными мурашками.

— Всё, что я делаю в этой жизни — исключительно для твоего собственного блага.

Адам горько, надрывно усмехнулся, качнув головой:

— Для блага? Ты разрушала всё, к чему прикасалась. Ты оставляла после себя только руины.

— Нет, — ласково возразила Лилит, и её тёмные глаза на мгновение блеснули холодным янтарём. — Я разрушала лишь твои глупые, фальшивые иллюзии. Я спасала тебя от удушья. А ты... ты снова выбрал Еву. Точно так же, как послушно выбираешь её в каждой своей жалкой жизни.

Всё тело Адама натянулось, как звенящая струна. Он упрямо вскинул подбородок:

— Потому что я люблю её. Люблю больше самой жизни.

Лилит посмотрела на него долгим, бесконечно тяжёлым взглядом, в котором сквозила вековая, усталая мудрость.

В её бездонных омутках глаз на мгновение мелькнула глухая, острая боль — старая и глубокая, как сам этот мир.

— И именно в этом кроется твоя вечная, роковая ошибка, — тихо произнесла Лилит.

Адам упрямо молчал, но в его груди словно ворочался холодный камень.

— Она всегда будет сомневаться в тебе, Адам. Всегда будет ставить под вопрос каждое твоё слово. Бояться твоей истинной сути, осуждать за прошлое и в итоге... уходить, оставляя тебя ни с чем. Ты ведь и сам прекрасно это знаешь. Чувствуешь это подсознательно.

— Хватит... — глухо выдавил он.

— А я? — почти беззвучно, с затаённой нежностью спросила Лилит. — Я ведь всегда, в каждой из эпох, выбираю только тебя.

Он застыл, боясь пошевелиться, замороженный её страшным откровением.

— Даже когда ты в очередной раз отворачиваешься от меня, — её голос опустился до едва различимого, интимного шёпота, проникающего под самую кожу. — Даже когда ты малодушно

предаёшь нашу связь. Даже когда напрочь забываешь моё имя, увлечённый её фальшивым светом... Я — единственная, кто неизменно остаётся с тобой до самого конца, когда твой мир рушится.

Адам с усилием переборол её ментальное притяжение и резко отвёл взгляд в сторону:

— Это не любовь, Лилит. Это одержимость. Проклятие.

— Нет, — легко согласилась она, и на её губах снова расцвела змеиная улыбка. — Это гораздо больше, чем просто любовь.

Он резко подался к ней всем телом, сокращая расстояние до минимума, и прорычал прямо в лицо:

— Держись подальше от Миры. Я предупредил тебя.

На долю секунды маска ласкового изящества слетела, и лицо Лилит стало пугающе жёстким, словно высеченным из древнего камня.

— На самом деле ты боишься вовсе не меня, Адам, — отчеканила она, сузив глаза. — Ты до ужаса боишься того, что девочка в итоге выберет не вас с Евой. Что она пойдёт за мной.

Он так сильно сжал кулаки, что ногти вонзились в ладони до крови.

— Что тебе нужно от меня? Назови свою цену.

Лилит плавно поднялась со стула, поправляя подол своего тёмного платья.

— Мне нужно лишь одно: чтобы ты наконец перестал трусливо бежать от той, кто находится рядом с тобой целую вечность.

Она наклонилась к самому его уху, обдав шею ледяным дыханием:

— Очень скоро, Адам... Когда Ева снова окончательно отвернётся от тебя, я буду там. Рядом. Как и всегда.

Она выпрямилась и скользящей, кошачьей походкой направилась к выходу из бара, бесследно растворяясь в полумраке и сигаретном дыму.

Адам сидел в ступоре всего несколько мгновений, а затем вскочил, опрокинув стул, и сломя голову бросился следом. Он с силой толкнул тяжёлую входную дверь и выбежал на ночную улицу. Прохладный дождевой воздух ударил в лицо.

Он дико огляделся по сторонам. Но тротуар был абсолютно пуст. Лишь асфальт блестел от капель затихающего дождя, вокруг равнодушно мерцали далёкие огни ночного города. Лилит исчезла, словно её никогда и не было, словно она была лишь порождением его измученного алкоголем разума.

Но в его гудящей голове продолжали звучать её финальные слова: «Я всегда выбираю тебя...»

Глава 9

Прошли месяцы.

Никто в корпорации VESPER не смог бы точно сказать, в какой именно момент Ева перестала быть просто одной из талантливых сотрудниц. Она как-то незаметно, шаг за шагом, превратилась в её неотъемлемую часть, в сам стержень компании.

Всё произошло без лишнего шума и громких назначений.

Сначала Люциан стал чаще поручать ей ключевые, самые сложные проекты, требовавшие предельной концентрации. Потом начал закрываться с ней в кабинете, советуясь перед принятием стратегически важных, серьёзных решений. А спустя ещё какое-то время топ-менеджеры и начальники отделов уже инстинктивно шли сначала к Еве, если хотели донести до генерального директора свою точку зрения и при этом остаться в живых.

Она официально и фактически стала его правой рукой.

Но что удивляло и шокировало многих старожилов компании — Ева оказалась единственным человеком в этих стенах, который абсолютно не боялся ему возражать.

— Это плохая идея, Люциан. Мы понесём огромные репутационные риски.

После подобных её слов в просторной, залитой светом переговорной обычно наступала оглушительная, мёртвая тишина. Присутствующие за столом директора испуганно опускали взгляды в свои планшеты и документы, а кто-то начинал судорожно делать вид, что очень занят важными заметками. Все ждали грозы.

Но Ева никогда не принадлежала к числу тех, кто прячется от чужого гнева. Она сидела прямо, открыто встречая тяжёлый взгляд босса.

— Аргументы? — спокойно, без тени раздражения спрашивал Люциан, откидываясь на спинку кресла и внимательно разглядывая её.

— Их более чем достаточно, — ровно отзывалась она. — Начать с первого пункта или сразу перейти к самым болезненным для бюджета?

В такие моменты сотрудники с трудом сдерживали нервные улыбки, искренне восхищаясь её хладнокровием.

И самое странное, даже пугающее во всём этом заключалось в том, что Люциан действительно её слушал. Он не всегда соглашался с её доводами. Иногда их споры за закрытыми дверями затягивались допоздна, превращаясь в интеллектуальную дуэль. Но он неизменно выслушивал её до самого конца, до последнего слова.

За это подчинённые начали уважать Еву ещё больше. И дело было не только в её поразительной смелости перед лицом «демона» компании. А в том, что, получив в свои руки колоссальное влияние, она ни на йоту не изменилась.

Она не стала высокомерной куклой. Не начала использовать своё привилегированное положение, чтобы топить конкурентов или плести интриги. Наоборот. В мире больших денег и чужих амбиций она осталась глотком чистого воздуха.

Она первой вставала на защиту рядовых сотрудников, если видела, что требования руководства несправедливы или завышены. Первой оставалась допоздна, вызываясь разгрести завалы, если её команде требовалась реальная помощь. И первой шла наперекор Люциану, когда считала, что он откровенно перегибает палку.

Поэтому её искренне любили. А его... его в компании наконец-то стали бояться чуточку меньше. Появилось ощущение, что Ева — это надёжный щит между ними и холодным гневом генерального. Хотя, разумеется, самому Люциану об этом приятном новшестве предпочитали не докладывать.

— Ты опять довела добрую половину аналитического отдела до предынфарктного состояния, — раздался от дверей спокойный, глубокий голос.

Ева оторвала взгляд от светящегося экрана ноутбука и устало потёрла переносицу. Люциан стоял прямо в проёме её кабинета, небрежно облокотившись плечом о косяк и засунув руки в карманы брюк. Пиджак был расстёгнут, верхняя пуговица рубашки ослаблена.

— Я? — Ева картинно прижала ладонь к груди. — И чем же?

— Ну хотя бы тем, что прямо на общем совещании заявила, будто моя новая стратегия напоминает план безумца, решившего разорить собственную компанию.

Ева невинно, по-детски моргнула, хотя в её глазах заплясали весёлые искорки:

— Но ведь это сработало? Ты сам пересмотрел графики.

— Не в этом суть, Ева.

— Тогда в чём же?

— Они теперь абсолютно уверены, что ты бессмертная, — совершенно серьёзно констатировал Люциан.

Она не выдержала и звонко рассмеялась, откидываясь на спинку кресла:

— А ты, значит, решил иначе?

— Я пока проверяю, — Люциан едва заметно приподнял бровь, не сводя с неё внимательного взгляда.

— Уже несколько месяцев проверяешь, — парировала она, складывая руки на столе.

— И результаты, согласишься, всё ещё крайне неубедительные.

Он качнул головой, а в уголках его строго очерченных губ появилась едва заметная, тёплая улыбка.

Подобные лёгкие перепалки давно стали для них привычными. Настолько органичными, что никто в офисе — да и они сами — уже не мог вспомнить тот переломный момент, когда они перестали официально обращаться друг к другу на «вы».

Это случилось как-то само собой, стёрлось под влиянием времени. Между одним затянувшимся допоздна рабочим вечером и другим. Между общими шутками, ожесточёнными спорами у маркерной доски и совместно принятыми кризисными решениями. Однажды в разгар очередного обсуждения Люциан просто сказал ей «ты».

Граница рухнула беззвучно.

А спустя всего несколько дней Ева и сама совершенно естественно ответила ему тем же. С тех пор ни один из них больше ни разу не вернулся к прежней, сухой официальности.

В один из обычных, заполненных рутиной рабочих дней Ева подняла уставший взгляд от кипы договоров, когда в дверь её кабинета тихо, почти робко постучали.

— Войдите, — негромко отозвалась она.

Дверь аккуратно приоткрылась, и на пороге появилась Мелисса — одна из молодых секретарей административного отдела. Глаза девушки были припухшими и красными от беззвучных слёз, а в руках она судорожно сжимала рабочий планшет.

— Ева, можно... буквально на минутку? — её голос сорвался на грани писка.

Ева тут же отложила ручку и отодвинула документы в сторону:

— Конечно, Мелисса. Заходи, что случилось?

Едва тяжёлая дверь кабинета со щелчком закрылась, изолируя их от общего коридора, Мелисса окончательно потеряла самообладание.

— Он меня уволит... Точно уволит! — всхлипнула девушка.

Она почти упала в мягкое глубокое кресло напротив стола Евы и, закрыв лицо дрожащими руками, горько заплакала. Ева понимающе вздохнула, поднялась со своего места и, налив из графина прохладной воды, протянула стакан несчастному секретарю.

— Так, для начала сделай глубокий вдох и выпей воды, — мягко, но уверенноскомандовала она. — Успокойся и объясни толком, в чём дело.

Мелисса сделала пару судорожных глотков, размазывая тушь по щекам.

— Я... я просто перепутала время важной встречи в его электронном расписании. Поставила на час позже! Но это ведь всего один раз, Ева! Один-единственный раз за все те полгода, что я вкалываю в компании!

— Из-за этого тебя здесь точно никто не расстреляет, — попыталась приободрить её Ева, слегка улынувшись.

Мелисса нервно усмехнулась сквозь непрекращающиеся слёзы:

— Ты просто не знаешь мистера Блэка так, как все остальные.

— Поверь мне, я знаю его достаточно хорошо, — это замечание вызвало у секретарши ещё один слабый, почти истерический смешок. — Давай по порядку. Что именно произошло, когда ошибка вскрылась?

— Один из ключевых немецких инвесторов прождал его в приёмной целых двадцать минут! — Мелиссу снова затрясло. — В итоге встречу пришлось в спешке переносить на завтра. Мистер Блэк мне даже ничего не сказал. Ни единого слова! Он просто посмотрел на меня... Ну, ты знаешь, этим своим леденящим, фирменным взглядом исподлобья. У меня подкосились ноги.

— И ты, не теряя времени, уже мысленно собираешь вещи в картонную коробку?

— Да, — обречённо выдохнула девушка, шмыгая носом. — Мне сказали, что приказ об увольнении уже на столе в отделе кадров.

— Рано паникуешь, — отрезала Ева, оперевшись руками о край своего стола.

Мелисса опустила взгляд на свои колени, и её плечи безнадежно поникли:

— Ева, ты не понимаешь... Он никогда и никому не прощает ошибок. Это все знают.

Ева ненадолго задумалась, крутя в пальцах карандаш.

— Он не любит ошибки, Мелисса. Это совершенно разные вещи, — мягко возразила она. — Если бы мистер Блэк увольнял каждого за первый же промах, половина этажей в этом здании уже стояла бы пустой.

— Думаешь? — в глазах секретаря блеснула слабая надежда.

— Уверена. Так что вытри слёзы, успокойся, а я сейчас пойду и лично поговорю с ним.

— Нет! — испуганно воскликнула Мелисса, едва не подпрыгнув в кресле, но тут же заставила себя говорить тише: — Пожалуйста, не сейчас. Сейчас у него в кабинете сидит очень представительный человек. Они разговаривают за закрытыми дверями на повышенных тонах уже больше часа. Думаю, после этого визита шеф ещё долго будет не в духе. Секретари на ресепшне боятся даже дышать в сторону его двери.

— Ладно, — согласилась Ева, оценив обстановку. — Подождём, пока мистер Блэк остынет. Сиди здесь, я попрошу, чтобы нам пока принесли горячий кофе.

В это же самое время за тяжёлыми дубовыми дверями генерального кабинета атмосфера была раскалена до предела. Люциан, нависнув над столом, ледяным тоном произнёс своему гостю:

— Не смей втягивать её в это.

Его голос звучал обманчиво негромко, но именно от этой вкрадчивой тишины он становился смертельно опасным.

Собеседник, сидевший в глубоком кожаном кресле напротив, лишь снисходительно хмыкнул и неторопливо поправил запонку на рукаве безупречного, баснословно дорогого пиджака.

— Ты явно переоцениваешь своё влияние, Люциан, — ровно отозвался мужчина.

— А ты — крупно недооцениваешь последствия, — отрезал Блэк.

Гость вальяжно откинулся на спинку, окинув Люциана оценивающим взглядом.

— Мне всегда казалось, что ты прагматичный и разумный человек. Но в последнее время ты совершаешь одну глупую ошибку за другой. И ради чего? Ради какой-то девчонки?

— Не смей говорить о ней в подобном тоне! — уже гораздо громче рявкнул Люциан, с силой стукнув ладонью по полированному столу. От удара глухо звякнул хрустальный прибор для бумаг.

— Ты начинаешь привязываться, — покачал головой визитёр, проигнорировав вспышку гнева. — Ты становишься уязвимым. Ты готов поставить на кон всё, что мы строили, ради мимолётной слабости?

Люциан даже не моргнул, его лицо превратилось в гранитную маску.

— Ты закончил?

— Нет.

Мужчина медленно поднялся со своего места и сделал несколько неторопливых, уверенных шагов к монументальному столу директора.

— Я просто хочу напомнить тебе, Люциан, что связываться с нами и нарушать договоренности — опасно. Очень опасно. Для любого, кем бы он себя ни мнил.

— Ты мне угрожаешь? — в голосе Люциана прорезалась злобная, хищная насмешка. Его пальцы медленно легли на край стола.

— Что ты, — гость тонко, безвкусно улыбнулся, глядя Люциану прямо в глаза. — Я угрожаю вовсе не тебе...

Голос Люциана стал ещё твёрже, а взгляд — пронзительно холодным. В этот миг он был готов уничтожить стоящего перед ним человека прямо на месте.

— Если ты посмеешь втянуть её в ваши грязные игры или скажешь ей хоть одно лишнее слово... — Люциан сделал короткую, злобную паузу, и его голос опустился до леденящего шёпота: — Бояться должен будешь ты. И поверь мне, твой страх будет оправдан.

Улыбка на лице собеседника впервые за всё это время дрогнула. Несколько секунд мужчины неподвижно смотрели друг другу в глаза. Воздух между ними, казалось, был раскалён добела. Никто не собирался уступать ни сантиметра своей территории.

Наконец гость натянуто усмехнулся, возвращая себе маску превосходства:

— Ты не перестаёшь меня удивлять, Люциан.

Он развернулся и неторопливым шагом направился к выходу. Уже взявшись за массивную дверную ручку, мужчина обернулся, и его взгляд стал безжалостно жёстким:

— Я даю тебе последние три дня. Не заставляй меня пожалеть об этом дополнительном времени.

Тяжёлая дверь со щелчком закрылась.

Несколько секунд Люциан стоял посреди огромного кабинета абсолютно неподвижно, словно каменное изваяние. А затем глухая, первобытная ярость сорвала все замки. Он резко, наотмашь смахнул со стола тяжёлую кожаную папку с документами — она с шумом пролетела через комнату и глухо ударилась о стену. Следом на пол полетел хрустальный стакан. Осколки с хрустом разлетелись по лакированному паркету.

Люциан тяжело, прерывисто вздохнул, пытаясь унять бешеный стук сердца. Провёл ладонями по лицу и на мгновение крепко закрыл глаза. Ему нужно было вернуть контроль.

Уже через несколько минут он как ни в чём не бывало сидел в своём кресле, методично перелистывая оставшиеся на столе бумаги так, словно этой вспышки гнева никогда не было. Ещё через десять минут он холодным тоном дал распоряжение клинингу прибраться в кабинете, а сам направился на этаж ниже. Туда, где находилось единственное место, способное вернуть ему душевное равновесие. К кабинету Евы.

Когда он без стука вошёл, Мелисса, сидевшая в кресле с чашкой кофе, испуганно вскочила. На её лице снова отразился животный ужас. Она поспешно пробормотала что-то невнятное и пулей скрылась за дверью. Люциан прошёл мимо девушки, даже не повернув головы, будто её вовсе не существовало в пространстве.

— Кажется, люди до сих пор тебя смертельно боятся, — заметила Ева, спокойно провожая взглядом убегающую секретаршу.

— Я тебе мало плачу, что у тебя есть время на светские беседы с персоналом? — строго спросил Люциан, останавливаясь перед её столом и пронзительно глядя ей прямо в глаза.

— Не поняла вопроса, — отозвалась Ева, на секунду растерявшись от его резкого тона.

— Я вижу, ты теперь подрабатываешь штатным психологом, — уже совершенно открыто улыбнулся Люциан.

Его строгая маска мгновенно растаяла, давая понять, что это была лишь привычная офисная шутка. Насмешливым кивком он указал на кошачий след из скомканных бумажных салфеток, оставшихся на краю стола после того, как Мелисса утирала ими слёзы.

— Приходится, — выдохнула Ева, заметно расслабляясь и откидываясь на мягкую спинку кресла. — Кто-то же должен ликвидировать последствия того, как ты терроризируешь несчастных работников. Сколько человек ты сегодня успел довести до нервного срыва?

— Пока ни одного, — тихо усмехнулся Люциан, и в его глазах на долю секунды мелькнула тёмная, тяжёлая тень — он вспомнил недавний визит своего высокопоставленного гостя. — Но, как видишь, день ещё не закончился, так что я активно над этим работаю.

Ева мягко улыбнулась и с негромким хлопком закрыла крышку ноутбука, давая понять, что на сегодня с делами покончено.

— Тяжёлый день? — спросила она, внимательно вглядываясь в его уставшее лицо.

— Бывало хуже.

— Люциан, это не ответ.

Он помолчал, рассматривая её точёный профиль в мягком вечернем свете, а затем нехотя признал:

— Тогда да. День был на редкость паршивым.

Ева понимающе, тихо вздохнула. Между ними снова воцарилась та редкая, комфортная тишина, которая бывала только у них. Люциан некоторое время молча наблюдал за тем, как она убирает ручку в органайзер. В его голове в этот момент бешено крутились шестерёнки: три дня... у него осталось всего три дня.

— Кстати, — неожиданно, сменив тон, произнёс он.

— Ммм? — Ева приподняла бровь.

— Ты тоже выглядишь чертовски усталой.

— Спасибо, Люциан. Очень вдохновляющее и галантное замечание от любимого босса, — иронично хмыкнула она.

— Я серьёзно, Ева. Без шуток.

Она замерла и снова откинулась на спинку кресла, уронив руки на колени. И только сейчас, когда адреналин рабочего дня окончательно испарился, Ева вдруг отчётливо поняла, насколько изнурительными были эти последние недели. Бесконечные, выматывающие встречи. Горы аналитических отчётов. Ожесточённые переговоры с партнёрами. Постоянная, непрекращающаяся работа без единого полноценного выходного. Тело казалось налитым свинцом.

— Есть немного, — тихо, без прежней бравады призналась она, глядя на него снизу вверх. — Скрывать уже бессмысленно, да?

Люциан несколько секунд молча смотрел на неё, не отрывая взгляда. Будто взвешивал на невидимых весах какое-то судьбоносное, отчаянное решение. Риск был огромен, но оставаться в этом городе сейчас было ещё опаснее.

А потом он сделал глубокий вдох и сказал:

— Поехали за город, — ровно произнёс он.

Ева удивлённо приподняла брови, на секунду перестав дышать.

— Что? — переспросила она, уверенная, что ослышалась.

— На выходные, — Люциан даже не повёл бровью, словно предлагал обсудить очередной квартальный отчёт. — Подальше от офиса, звонков и этого душного смога.

— Ты... предлагаешь мне отпуск? — Ева недоверчиво прищурилась.

— Именно.

— Люциан, признайся честно, ты заболел? У тебя жар?

— Очень смешно, Ева. Оценил.

Она тихо, искренне засмеялась, качая головой от абсурдности момента. Самый жёсткий трудоголик города, который сам жил в офисе, внезапно отправляет её отдыхать.

— И куда же конкретно ты меня приглашаешь?

— Не тебя, — Люциан неторопливо скрестил руки на груди, и его взгляд стал мягче.

— В смысле?

— Вас, — поправил он, заглядывая ей в самые глаза. — Тебя и Миру. У меня есть отличный, закрытый дом в горах. Там тихо. Дочке понравится.

Ева замерла, тронутая тем, что он подумал о её маленькой девочке. Сердце предательски пропустило удар. Но, быстро взяв себя в руки, она лукаво улыбнулась.

— Я подумаю над твоим предложением, шеф. Но у меня есть одно маленькое условие.

— Готов выполнить практически любую твою прихоть, — с лёгкой иронией отозвался Люциан, едва заметно склонив голову набок. — Слушаю.

— Ты оставишь Мелиссу на работе. Никаких увольнений.

Люциан устало прикрыл глаза и обречённо выдохнул через нос:

— Ева...

— И ещё ты лично извинишься перед ней за свою сегодняшнюю грубость, — безжалостно добавила она.

— А вот сейчас ты просишь о невозможном, — отрезал он, и в его голосе снова прорезались директорские нотки.

— Что ж, в таком случае на выходных я остаюсь дома, — Ева невозмутимо пожала плечами и демонстративно потянулась к сумке.

Несколько секунд Люциан молча, в упор смотрел на неё, словно пытался понять, где пролегают границы её смелости. В его голове тикал безжалостный таймер, и терять время из-за пустяков он не мог.

— Ты действительно торгуешься со мной из-за какого-то секретаря? — с искренним недоумением спросил он.

— Я торгуюсь из-за хорошего человека, который совершил обычную человеческую ошибку.

Люциан покачал головой, в его глазах мелькнуло что-то похожее на неохотное восхищение:

— Удивительная ты женщина, Ева.

— Спасибо.

— Это был не комплимент.

— Всё равно спасибо, — она ослепительно улыбнулась.

Люциан сдался. Он сделал шаг назад, засунув руки в карманы, и проворчал:

— Ладно. Я не буду её увольнять. Пусть работает.

Ева облегчённо, свободно вздохнула. Мелисса спасена.

— Но извиняться перед ней я не стану, — тут же отрезал он, возвращая себе строгий вид. — Для моей репутации это уже явный перебор.

— Ладно, — милостиво согласилась Ева, пряча победную улыбку. — Будем считать, что мы нашли компромисс.

— Так что? — Люциан замер у самого выхода, взявшись за ручку двери. — Мы едем?

— Я подумаю, — повторила она, лукаво сощурившись.

Он задержал на ней свой пронзительный взгляд чуть дольше, чем следовало по протоколу. В этих тёмных глазах на секунду промелькнуло что-то первобытное, собственническое и глубокое.

— Подумай, Ева.

И он вышел, оставив после себя в кабинете шлейф дорогого парфюма и то самое, уже ставшее привычным ощущение полного внутреннего смятения.

Весь оставшийся день Ева то и дело ловила себя на мысли о его предложении. О самом Люциане. О том, как удивительно спокойно и легко ей бывало рядом с этим опасным для всех остальных мужчиной. О том, как чутко он замечает малейшие перемены в её настроении — то, что другие высокомерно пропускали мимо ушей. Его интерес к ней и к Мире больше не казался случайным или чисто профессиональным.

И именно это пугало её сильнее всего.

Потому что глубоко внутри неё всё ещё жил незакрытый, кровоточащий след Адама. Шрам от его предательства так и не затянулся. А теперь рядом появился мужчина, с которым она — впервые за долгие восемь лет — чувствовала себя по-настоящему защищённой. Слабой. Женщиной, а не борцом за выживание.

Поздним вечером дома атмосфера казалась обманчиво идеальной. В детской Мира увлечённо рисовала что-то яркими фломастерами за своим маленьким столиком. Из кухни доносились умопомрачительные запахи: Лилит с тихим напевом готовила ужин, ловко орудуя ножом.

А Ева стояла в полумраке гостиной у окна, сжимая в руке потяжелевший телефон. Она смотрела на своё бледное отражение в холодном стекле, за которым расстился шумящий город.

— Что... что со мной происходит? — едва слышно, одними губами спросила она у темноты.

Она окончательно запуталась. В своих шальных чувствах. В мужчинах. В собственных противоречивых реакциях. Один мужчина жестоко ранил её, бросил, но до сих пор не отпускал изнутри, привязав к себе невидимыми ментальными цепями. Другой — властный, закрытый — медленно, но верно становился для неё центром вселенной. А вокруг них всех словно сгущалось что-то необъяснимое, тяжёлое, предвещающее бурю.

Спустя час размышлений, Ева судорожно вздохнула, разблокировала экран и решительно открыла список контактов. Листая имена, она наткнулась на номер, который когда-то давно сохранила «на всякий случай» по рекомендации знакомых.

Лиор. Психолог.

Несколько секунд она в нерешительности гипнотизировала экран, чувствуя, как бьётся пульс на шее, а затем нажала кнопку вызова. Смартфон послушно прильнул к уху. После пары долгих, томительных гудков на том конце провода ответил приятный, глубокий и удивительно спокойный мужской голос:

— Алло. Лиор на связи. Слушаю вас.

— Здравствуйте... Меня зовут Ева, — она с трудом сглотнула подступивший к горлу ком. — Мне... мне очень нужна ваша консультация. Срочно.

— Конечно, Ева. Что именно вас беспокоит? — голос мужчины обволакивал, как тёплый плед.

— Если честно... всё сразу. Абсолютно всё.

На том конце линии послышалась мягкая, понимающая улыбка:

— Что ж, тогда мы начнём по порядку. Не переживайте.

— Когда к вам можно прийти?

— Как раз завтра вечером у меня освободилось одно окно. Вам удобно?

Ева обернулась и посмотрела через открытую дверь на Миру, спокойно сопящую во сне, на Лилит, которая тихо шуршала пакетами на кухне, и на всю собственную жизнь, которая на полной скорости словно выходила из-под её контроля.

— Да. Я приду. Запишите меня.

Позже глухой ночью, когда в квартире выключили все источники света и дом погрузился в сон, Лилит бесшумной, скользящей тенью прошла мимо приоткрытой двери спальни Евы. И внезапно остановилась. Её чуткие ноздри дрогнули, словно она физически почувствовала едва уловимые перемены в воздухе — остатки чужой, новой энергетики.

— Лиор... — едва слышно, одними губами прошептала Лилит, и её глаза на миг хищно блеснули в темноте коридора. — Как интересно.

Глава 10

Кабинет Лиора оказался совсем не таким, каким его мысленно рисовала себе Ева по дороге сюда.

В нём не было ни капли стерильной медицинской холодности, ни давящей офисной официальности. Всё здесь дышало уютом: мягкий, рассеянный свет винтажной лампы, ровные ряды старинных книжных полок, уходящие под самый потолок, и огромное окно с завораживающим видом на зажигающий огни вечерний город. Нейтральные, успокаивающие цвета интерьера, глубокое бархатное кресло — здесь царило такое звенящее спокойствие, что оно ощущалось кожей, почти физически.

Лиор встретил её у двери, дружелюбно кивнув.

На вид ему было около сорока лет. Простой стильный джемпер, аккуратная борода и невероятно глубокий, умиротворяющий взгляд, в котором Ева к своему облегчению не заметила ни праздного любопытства, ни дежурной профессиональной жалости — только искреннее, глубокое внимание.

— Проходите, Ева. Располагайтесь, где вам удобно.

Она опустила в мягкое кресло напротив него и тут же почувствовала сковывающую, глупую неловкость. Пальцы судорожно вцепились в ремешок сумочки.

— Если честно, я теперь даже не знаю, с чего начать, — призналась она, отведя взгляд к окну. — Моя история слишком... запутанная.

Лиор тепло, ободряюще улыбнулся и сел в соседнее кресло, неторопливо скрестив ноги:

— Тогда давайте начнём не с самой истории. Начнём с простого ощущения. Что именно вы чувствуете здесь и сейчас, в эту самую секунду?

Ева на мгновение растерялась, не ожидая такого захода. Она прислушалась к собственному телу, к бешено колотящемуся где-то в горле пульсу.

— Усталость, — выдохнула она первое, что пришло на ум.

— Хорошо. Что ещё? — Лиор говорил тихо, настраиваясь на её волну.

— Напряжение. Словно я натянутая струна, которая вот-вот лопнет.

— Ещё. Ищите глубже, Ева.

Она всерьёз задумалась, глядя на то, как по стеклу окна лениво размазываются блики вечерних автомобильных фар.

— Будто внутри меня... слишком много шума, — тихо призналась она. — Оглушительного, хаотичного шума, из-за которого я не слышу саму себя.

Лиор понимающе кивнул, ни разу не перебив её:

— Потрясающее описание. Знаете, люди часто совершают ошибку, думая, что их главная проблема — это внешние события. Но это не так. Проблема почти всегда кроется в том самом шуме, который эти события оставляют после себя у нас внутри. Он оседает ментальным мусором.

Ева невольно поймала себя на том, что ловит каждое его слово. В его голосе была какая-то странная, гипнотическая правильность.

— И... что мне с этим делать?

— Для начала нужно понять, из чего именно состоит этот ваш внутренний шум. Из страха? Из застарелой вины? Обиды на кого-то? Или из чужих ожиданий, которые вы отчаянно пытаетесь оправдать?

Она тяжело опустила взгляд на свои колени.

— Наверное... из всего сразу. Одно цепляется за другое.

Лиор слегка подался вперёд, оперевшись локтями о колени. Его внимательный взгляд стал ещё более пронзительным:

— Тогда скажите мне абсолютно честно, Ева. Что именно истощает вас больше всего на самом деле — то, что реально происходит вокруг? Или то, с какой силой вы пытаетесь удерживать всё это под своим тотальным контролем?

Вопрос попал точно в цель. Снайперский выстрел в самую болезненную точку её души.

Ева резко замолчала, чувствуя, как внутри всё перевернулось. Потому что правильный, честный ответ она знала наперёд. Ей не нужно было его искать.

— Контроль, — едва слышно, на грани выдоха сказала она.

— Расскажите мне об этом. Что именно вы контролируете?

Она судорожно выдохнула, чувствуя, как к глазам подступают горячие слёзы, которые она так долго прятала от всего мира:

— Я... я просто обязана постоянно быть сильной. Ради дочери. На работе, где от меня зависят люди. В отношениях, которые едва начались. Я должна всё понимать, всё просчитывать наперёд, всё вовремя решать. Если я расслаблюсь хоть на секунду, мой мир просто разлетится на куски.

— Кто сказал, что вы вообще кому-то что-то должны, Ева?

Она удивлённо подняла глаза и встретила с его спокойным лицом:

— Жизнь научила. Жизнь сказала.

Лиор лишь мягко, едва заметно улыбнулся — так, словно знал о её жизни гораздо больше, чем она успела рассказать за эти десять минут.

— Нет, Ева, — мягко, но безапелляционно возразил Лиор.

— Это не жизнь вам сказала. Это ваше личное, внутреннее правило, которое вы сами когда-то создали, чтобы защитить себя и выжить.

Она нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает глухое сопротивление.

— И что теперь?

— А теперь пришло время проверить: это правило вам всё ещё служит... или оно вас уже разрушает?

В комнате мгновенно стало тихо. Оглушительно тихо. Эти слова Лиора словно пробили её ментальную броню и вошли гораздо глубже, чем она ожидала.

— А если... если я отпущу этот контроль? — Ева посмотрела на него с затаённым страхом. — Всё развалится?

— Это типичный, самый главный страх всех сильных людей, — спокойно ответил Лиор, подперев подбородок рукой. — Им искренне кажется: если я перестану держать этот мир на своих плечах, мир тут же рухнет. Но правда, Ева, часто заключается совсем в другом.

— В чём?

— Мир держится вовсе не на вас. Он прекрасно держится сам по себе. А вот рушиться в процессе этой борьбы — именно вы.

В горле у Евы встал тяжёлый, удушливый ком. Глаза обожгло.

— Я устала, — призналась она шёпотом, впервые по-настоящему, без утайки, сбрасывая маску железной леди. — Очень устала.

— Я вижу, Ева. Я это вижу.

— Но если я остановлюсь... кто тогда всё сделает? Кто позаботится обо всём?

— Возможно, часть этих вещей вообще не должна быть сделана, — Лиор едва заметно пожал плечами. — Часть — должна быть сделана не вами. А часть — точно не сейчас.

Она нервно, горько усмехнулась, смахивая подступившую слезу:

— Красиво звучит. Профессионально. Но в реальной жизни так не работает.

— В жизни как раз не работает другое, — спокойно парировал психолог.

— Когда один человек тащит на себе абсолютно всё, что можно и нельзя.

Он сделал короткую, вескую паузу, позволяя ей прочувствовать момент, а затем спросил:

— Скажите мне, Ева... когда в последний раз кто-то заботился о вас точно так же, как вы привыкли заботиться обо всех остальных?

Она открыла было рот, чтобы ответить сразу. Выдать какую-то дежурную фразу, защититься. Но... так и не смогла произнести ни слова.

Потому что, как бы сильно она ни напрягала память, она просто не могла вспомнить. С тех пор как Адам исчез, её жизнь превратилась в сплошной бег с препятствиями, где она была и за маму, и за папу, и за добытчика. И только сейчас, в эту самую секунду, сквозь призму вопроса Лиора, она вдруг отчётливо осознала: в недавнем приглашении Люциана поехать за город сквозил самый настоящий, чистый отголосок заботы.

С того самого момента, как шеф позвал её на выходные, Ева мысленно перебрала сотни циничных вариантов. Для чего ему это нужно? Побывать с ней наедине? Банально соблазнить? Но тогда бы он ни за что не звал с ними Миру. Может, он просто хочет произвести впечатление, поиграть в благородство, добиться её расположения? Тоже навряд ли... Люциан Блэк не из тех, кто за кем-то бежит. Его внимания, одного лишь мимолётного взгляда, отчаянно добиваются все светские львицы и первые красавицы города. Ему незачем плести такие сложные интриги ради неё.

Неужели это правда была... просто искренняя забота о её состоянии? Но разве Люциан из тех мужчин, которых вообще способно волновать чужое самочувствие и чужая усталость? Тот холодный, жёсткий мистер Блэк, которого до дрожи в коленях боится весь офис?

Ева окончательно запуталась.

Глаза неожиданно сильно защемило от подступивших слёз.

Лиор не спешил заполнять повисшую тишину дежурными фразами, давая ей возможность прожить этот момент. И именно это было для Евы самым непривычным, даже ошеломляющим — рядом с этим человеком не нужно было держать лицо и оставаться собранной каждую секунду. Можно было просто быть.

— Кажется... очень давно, — тихо, почти беззвучно произнесла она, глядя перед собой.

— Тогда неудивительно, что вы настолько истощены, Ева.

Лиор плавным движением протянул ей бумажную салфетку, сделав это мягко и обыденно, не акцентируя внимания на её слабости.

— Знаете, иногда люди приходят к психологу вовсе не потому, что они окончательно «сломались». А просто потому, что они слишком долго, на пределе человеческих возможностей, были сильными.

Этого короткого признания хватило, чтобы последняя плотина рухнула. Ева закрыла лицо ладонями и впервые за долгие, мучительные годы по-настоящему заплакала. В этих слезах не было надрывной истерики или драмы. Она плакала тихо, беззвучно. От накопившейся за вечность усталости. От звенящего одиночества, которое не покидало её даже в толпе. От глубокого облегчения, что кто-то в этом холодном мире наконец-то назвал вещи своими именами.

Лиор молча ждал, давая её душе очиститься от многолетнего груза.

Через пару минут она глубоко выдохнула, бережно вытерла глаза салфеткой и попыталась взять себя в руки. На губах появилась виноватая улыбка.

— Извините. Как-то неловко получилось...

— Наоборот, — спокойно и тепло возразил Лиор, слегка качнув головой. — Получилось очень честно. А честность с самой собой — это начало исцеления.

— И... что мы будем делать дальше?

— Дальше? — Лиор открыл свой блокнот и мягко посмотрел на неё. — Дальше мы будем разбирать вашу жизнь. Но не как бушующий пожар, который нужно судорожно и в панике тушить. А как большой, красивый дом, в котором просто давно пора навести хороший порядок.

Ева посмотрела на него внимательно, впитывая эту уверенность. Она прислушалась к себе и со странным удивлением почувствовала, как впервые за долгое, очень долгое время

внутри неё действительно стало немного тише. Словно грозовые тучи в голове начали медленно расступаться.

Когда она вышла на крыльцо клиники, вечерний город оставался точно таким же, как час назад: те же неоновые вывески, тот же бесконечный поток машин и спешащих мимо людей. Но сама Ева была уже чуть-чуть другой. Отрезанный лоскут её прежней, закованной в броню личности остался там, в мягком кресле.

Она сделала глубокий вдох и направилась к парковке. Она возвращалась домой.

А дома её ждала привычная жизнь. Жизнь, в которой ещё никто — ни Люциан с его таинственным ультиматумом, ни Лилит, затаившаяся на её кухне, — пока не знал, что Ева начала меняться. И этот процесс уже невозможно остановить.

Глава 11

Субботнее утро выдалось удивительно ясным и умытым свежим, ещё не успевшим накалиться солнцем.

Ева до самого последнего мгновения отчаянно сомневалась, стоит ли ей вообще ввязываться в эту авантюру. Раз десять она открывала мессенджер, порываясь написать Люциану сухой, вежливый отказ. Она судорожно изобретала предлоги: придумывала несуществующие срочные дела, ссылаясь на внезапную усталость, капризы Миры, переменчивую погоду — на что угодно, лишь бы остаться в своей привычной, безопасной раковине тотального контроля.

Но глубоко внутри, там, где после сеанса у Лиора наконец-то воцарилась хрупкая тишина, что-то настойчиво шептало: ей нужен этот глоток воздуха. Нужна пауза. Жизненно необходим хотя бы один единственный день без удушающих мыслей. В конце концов, она нашла идеальное, неопровержимое оправдание для своего внутреннего цензора — она делает это исключительно ради благополучия Мелиссы, спасая несчастную коллегу от неминуемой расправы со стороны грозного мистера Блэка.

И именно поэтому уже через час их маленькая компания стремительно удалялась от шумного мегаполиса.

Мира устроилась на заднем сиденье и без умолку, воодушевлённо трещала обо всём на свете, восторженно указывая пальчиком на проносившиеся за стеклом пушистые кроны деревьев. Самое удивительное — Люциан не выказывал ни капли раздражения. Он терпеливо, спокойно отвечал на каждый, даже самый нелепый вопрос маленькой девочки. Причём делал это с таким серьёзным выражением лица, словно на кону стояло подписание многомиллионного контракта.

— А что будет, если белка вдруг потеряет свой дом? — Мира обеспокоенно заглянула в зеркало заднего вида, ловя взгляд водителя.

— Значит, она обязательно найдёт себе новый, ещё лучше, — ровным, уверенным голосом ответил Люциан, плавно обгоняя попутный грузовик. — Иногда перемены бывают очень полезны.

— А если ей там, в новом доме, сначала будет сильно страшно?

— Тогда кто-то большой и сильный должен просто постоять рядом. Охранять её до тех пор, пока она не привыкнет.

Ева невольно повернула голову и внимательно посмотрела на его точёный профиль. Он говорил это Мире. Обычная детская сказка про лесных обитателей. Но почему-то эти простые слова болезненным, пронзительным эхом отозвались в её собственной груди. Ей показалось, или в его голосе промелькнуло что-то личное?

А за окном автомобиля тянулась потрясающая дорога. Её маленькая вселенная сузилась до размеров этого роскошного салона, летящего между изумрудно-зелёными холмами, щедро залитыми мягкими лучами утреннего солнца. Мира на заднем сиденье продолжала самозабвенно пересказывать какую-то бесконечную историю, забавно перескакивая с одной мысли на другую.

Ева расслабленно улыбалась, слушая её в пол-уха и впервые за долгое время чувствуя себя защищённой.

Идиллию бесцеремонно и резко прервал громкий, требовательный звонок телефона Люциана, подключённого к мультимедийной системе машины.

На экране приборной панели высветился номер без имени. Люциан мимолётно взглянул на дисплей, и Ева заметила, как на его щеке едва заметно дёрнулась жилка. Он тут же принял вызов, нажав кнопку на руле.

— Да, — коротко бросил он в салон.

Прошло всего несколько секунд, в течение которых в трубке слышался неразборчивый, глухой бубнёж, но лицо Люциана прямо на глазах Евы превратилось в абсолютно непроницаемую, ледяную маску из белого мрамора. Расслабленность соскользнула с него как шелуха.

— Когда? — ледяным шёпотом спросил он, и от этого тона в тёплом салоне автомобиля мгновенно повеяло могильным холодом.

На другом конце провода что-то коротко, отрывисто ответили.

— Понятно, — обронил Люциан.

Ева внимательно следила за его лицом. Она заметила, как кожа на его костяшках побелела — пальцы сжали кожаную оплётку руля с такой силой, словно он пытался её раздавить. Но голос оставался идеально ровным.

— Я сейчас далеко за городом, на трассе, и оперативно приехать в офис не смогу, — продолжил он после короткой паузы, слушая сбивчивые объяснения невидимого собеседника. — Да, я на связи. Окажите его семье всю необходимую юридическую и организационную помощь. Если понадобится что-то дополнительное — любые ресурсы, финансы, — решите этот вопрос немедленно.

Несколько секунд Люциан молча слушал шуршание чужого голоса в динамиках. Его взгляд, устремлённый на залитую солнцем дорогу, казался абсолютно стеклянным.

— Что-нибудь ещё?

В трубке прозвучал какой-то тихий, нерешительный вопрос. На губах Люциана вдруг появилась странная, едва заметная и пугающе холодная усмешка.

— Выделите от лица компании крупную материальную помощь. В максимальном размере, — он сделал короткую, вескую паузу и добавил: — И пошлите от меня венок.

Ева удивлённо, с нарастающей тревогой посмотрела на него. В салоне роскошного автомобиля, вопреки летнему теплу за окном, словно сгустились сумерки.

— Да, — продолжил Люциан. — Самый достойный венок, какой только сможете найти в городе. Жду полный отчёт на почту.

Он нажал кнопку отбоя. В машине на мгновение воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Даже Мира на заднем сиденье притихла, инстинктивно почувствовав, как изменилось настроение взрослых.

— Люциан, что случилось? — не выдержала Ева, со страхом вглядываясь в его каменный профиль. — Кто-то из наших?

Люциан не повернул головы, продолжая уверенно вести машину вперёд, между зелёными холмами.

— Майкл Харт, — имя прозвучало буднично и спокойно. Слишком спокойно для таких новостей. — Он погиб сегодня рано утром. Автомобильная авария.

— Господи... — Ева невольно прикрыла рот ладонью, чувствуя, как внутри всё похолодело.

Сзади раздался тихий, робкий голосок Миры:

— Мама, а кто погиб?

— Один мой старый деловой знакомый, малыш, — спокойно, без тени фальши ответил Люциан, поймав взгляд девочки в зеркале заднего вида.

Мира мгновенно погрузилась, опустив голову:

— Мне очень жаль...

— Мне тоже, Мира. Мне тоже, — тихо отозвался он.

Ева порывисто повернулась к нему всем телом, чувствуя, как внутри снова просыпается тот самый, утихший было на сеансе психолога контроль. Тревога набатом забила в ушах.

— Люциан... Может, нам лучше вернуться в город? — спросила она тихим шёпотом. — Раз такое произошло, тебе наверняка нужно быть там. Офис, полиция, партнёры... Давай отменим поездку.

— Нет, — отрезал Люциан.

Его тон не допускал никаких возражений. Он лишь сильнее нажал на педаль газа, и мощный мотор послушно взревел, унося их всё дальше от мегаполиса, где только что оборвалась ещё одна жизнь.

— Но похороны... — Ева замолчала на полуслове, растерянно глядя на его безупречный, словно высеченный из гранита профиль.

— Не стоит портить Мире отдых, — ровно ответил Люциан, даже не повернув головы.

Ева нахмурилась, чувствуя, как внутри разрастается глухое недоумение, смешанное с подступающим страхом.

— Люциан...

— Моё присутствие на похоронах всё равно его не воскресит.

Его голос прозвучал слишком спокойно. Отрешённо, цинично и пугающе холодно. Как можно с такой леденящей душу будничностью говорить о человеке, который ещё несколько часов назад дышал, а сейчас навсегда исчез? Неужели в мистере Блэке действительно нет ничего человеческого?

Но затем её взгляд скользнул в зеркало заднего вида к Мире. Девочка уже отвлеклась от страшных мыслей и снова увлечённо рассматривала мелькавшие за стеклом пушистые кроны.

И Ева со вздохом облегчения решила, что просто ошиблась. Наверное, она слишком предвзята. Он ведь мужчина, руководитель огромной корпорации. Наверное, он просто делает всё, чтобы не напугать и не расстроить ребёнка. Наверное, именно ради Миры он сейчас удерживает это железное, противоестественное самообладание.

Некоторое время в салоне машины царила звенящая тишина, прерываемая лишь мягким шелестом шин по безупречному асфальту. Ева упёрлась лбом в прохладное стекло, невидящим взором провожая залитые солнцем изумрудные холмы. Но её мысли, как испуганные птицы, раз за разом возвращались к этому зловещему телефонному звонку. Память упрямо подбрасывала обрывки фраз.

«И пошлите от меня венок. Самый достойный...»

Наконец она просто не выдержала этого внутреннего давления. Слишком много тайн скопилось вокруг её босса за последние дни.

— Это ведь тот самый человек? — спросила она тихим шёпотом, едва шевеля губами.

Люциан на мгновение перевёл на неё свой тяжёлый, пронзительный взгляд тёмных глаз, после чего снова сосредоточился на дороге.

— Какой именно, Ева?

— Тот, с кем ты так яростно спорил в своём кабинете. В тот самый день, когда пригласил нас за город.

Несколько секунд он молчал, и это молчание казалось Еве бесконечным. В салоне будто разом выкачали весь воздух.

— Тот самый, — коротко подтвердил он.

Ева медленно опустила глаза, глядя на свои переплетённые пальцы. Внутри с новой силой зашевелилась липкая, удушливая тревога, которую она так пыталась оставить в кабинете психолога.

Может быть, именно поэтому он выглядит сейчас настолько равнодушным? Может, между ними перед этой трагедией произошло что-то настолько серьёзное, что выжгло в Люциане любые остатки жалости? Но даже если покойный Майкл Харт был его злейшим врагом... Даже если он был беспринципным конкурентом, посягнувшим на его бизнес... Разве можно проявлять такую абсолютную, монолитную эмоциональную глухоту к чужой гибели? Будто разбилась не человеческая жизнь, а какая-то дешёвая чашка.

Будто почувствовав её пристальный, полный смятения взгляд, Люциан чуть наклонился в её сторону и тихо, едва уловимо произнёс:

— Не стоит обсуждать вопросы жизни и смерти при ребёнке, Ева.

Он сказал это очень негромко, на самой грани слышимости — так, чтобы эти слова предназначались исключительно ей одной. И в этом вкрадчивом, предостерегающем тоне Еве почудился явный, скрытый подтекст: «Мы поговорим об этом. Но позже. И наедине».

Затем он сразу же перевёл взгляд на зеркало заднего вида, мгновенно меняя выражение лица.

— Мира.

— Что? — девочка оторвалась от окна и выжидательно наклонилась вперёд, насколько позволяли ремни детского кресла.

— Какую музыку тебе включить?

Малышка тут же заметно оживилась, и на её личико вернулась привычная улыбка:

— Любую!

— Это не ответ, — наставительно заметил Люциан. — Нам ехать ещё долго, а понятие «любая» слишком растяжимое.

— Тогда мою самую-самую любимую!

— Мама как-то говорила мне, что у тебя этих самых любимых песен ровно двадцать семь штук.

— Уже тридцать две! — гордо поправила Мира, победно вскинув подбородок.

— Это делает ситуацию ещё хуже, — Люциан состроил такую картинно-испуганную гримасу, что Мира звонко рассмеялась на весь салон.

— Ну пожалуйста, Люциан! Включи!

Он сделал вид, что тяжело, обречённо вздохнул, и нажал пару кнопок на руле.

— Ладно. Но учти: если маме этот репертуар не понравится, вся ответственность за испорченный семейный выезд лежит исключительно на тебе. Согласна?

— На все сто процентов согласна!

Через секунду роскошный салон автомобиля наполнился чистым, объёмным звучанием динамиков. Люциан предусмотрительно выкрутил громкость ровно настолько, чтобы музыка бодро вела их вперёд и — главное — надёжно заглушала любые тяжёлые, непрошенные мысли.

— Да-а-а! — радостно воскликнула Мира, заёрзав на сиденье и вскинув руки вверх.

Спустя всего несколько минут они уже всю подпевали задорному припеву какой-то невероятно популярной подростковой песни. Вернее, по-настоящему подпевала только Мира. Люциан же, сохраняя на удивление невозмутимый вид, безбожно, самым наглым образом перевирал каждое второе слово.

Он делал это совершенно намеренно. Исключительно для того, чтобы вызвать у девочки очередной приступ искреннего, заливистого смеха.

— Да всё вообще не так поётся! — шутливо возмущалась Мира, едва не задыхаясь от хохота и пытаясь перекричать динамики. — Ты всё перепутал!

— Именно так и поётся, у меня отличная память на тексты.

— Нет! Там другие слова!

— Мира, я намного старше тебя, а значит, знаю правила этой жизни и тексты песен значительно лучше.

— Это вообще никак между собой не связано! — победно парировала девочка, сияя от восторга.

Ева молча наблюдала за этой развернувшейся перед ней сценой, и внутри неё нарастало всё большее, граничащее с шоком недоумение.

Этот мужчина... Этот холодный, пугающий человек буквально пару минут назад узнал о внезапной смерти своего давнего партнёра и оппонента. Человека, с которым ещё недавно делил власть и бизнес. И сейчас он, как ни в чём не бывало, с лёгкой улыбкой дурачится

с чужим ребёнком, крутит поп-музыку и выглядит самым безмятежным водителем на этой трассе.

Кто же он такой на самом деле? Гениальный актёр с ледяным сердцем, у которого вместо эмоций холодный расчёт? Или тот, кто прямо сейчас сознательно выстраивает вокруг неё и Миры невидимую стену из уюта и безопасности, принимая весь удар на себя?

А сейчас этот пугающий мистер Блэк совершенно спокойно сидит за рулём и с самым серьёзным видом спорит с маленьким ребёнком из-за глупых слов в припеве.

На мгновение Еву изнутри больно кольнула резкая, уродливая мысль: «Он что... радуется гибели Харта? Торжествует?»

Но почти сразу ей стало невыносимо стыдно за это мимолётное предположение. Нет. Это было глупо и несправедливо с её стороны. Она перевела взгляд на заднее сиденье, посмотрела на Миру. На её чистую, сияющую улыбку. На этот беззаботный, залиvistый смех, который, казалось, выветривал из салона весь накопившийся за неделю стресс. Посмотрела на то, как Люциан виртуозно, в одно мгновение перевёл тяжёлый разговор на какую-то ерунду, лишь бы девочка ни на секунду не задумывалась о плохом.

И тогда Ева наконец поняла.

Он не радуется. Он просто всеми силами отвлекает Миру. Потому что некоторые страшные вещи этого мира детям знать совершенно не обязательно.

А затем её посетила ещё более глубокая, ошеломляющая мысль. Она внимательно вгляделась в его натянутый, как струна, профиль и подумала: «Он ведь отвлекает не только Миру. Он отвлекает и самого себя».

За этой непробиваемой бронёй безразличия, за напускной ледяной холодностью вполне могло прятаться что-то очень ранимое, глубоко человеческое. Что, если он переживает внезапную гибель своего давнего партнёра куда сильнее, чем все остальные, вместе взятые? И если учесть, что их последний разговор в кабинете закончился на таких острых, недружелюбных нотах... Что, если прямо сейчас Люциан втайне корит себя за то, что их примирение теперь больше никогда не произойдёт? Что может быть больнее и страшнее, когда человеческие отношения обрываются так резко, на такой неоднозначной, тяжёлой ноте? И эту ошибку уже абсолютно никто и никогда не сможет исправить...

Ева мысленно дала себе обещание: она больше не станет лезть к нему в душу со своими расспросами. По крайней мере, сегодня. Ему и без неё невыносимо тяжело.

Дом у озера, куда они приехали спустя полчаса, оказался невероятно красивым, величественным и уединённым.

Просторная открытая терраса из тёмного дерева, стена векового, уходящего в самое небо изумрудного леса вокруг и хрустально прозрачная, зеркальная гладь воды, в которой отражались редкие облака. И тишина. Плотная, звенящая, первозданная тишина, от которой городскому жителю поначалу становилось даже немного непривычно и жутковато.

Едва машина остановилась, Мира первой выскочила на свежий, пахнущий хвоей воздух.

— Мама, можно я побегаю по полянке?! — радостно закричала она, подпрыгивая от нетерпения.

— Только недалеко от дома, Мира, — строго отозвалась Ева, выходя из автомобиля и потягиваясь после долгой дороги.

— Я присмотрю за ней, — спокойно добавил Люциан, заглушив мотор.

И он действительно присматривал. Делал это ненавязчиво, без лишней суеты и абсолютно не показательно. Пока они разгружали вещи, его взгляд то и дело сканировал периметр, мягко фиксируя каждое движение маленькой девочки, словно он лично отвечал за сохранность её хрупкого мира.

Люциан просто был рядом.

Он без лишних слов помог Мире достать огромного разноцветного воздушного змея из багажника, а потом долго, упрямо запускал его вместе с ней по просторной поляне. Он искренне, открыто смеялся, когда змей упрямо пикировал в густую траву, и с бесконечным, несвойственным ему терпением распутывал тонкую леску, раз за разом возвращая игрушку в небо.

Ева стояла на деревянной террасе, обхватив ладонями тёплую кружку с чаем, и молча наблюдала за ними. В этот момент что-то в её груди болезненно, до судороги сжалось. И одновременно — согрелось, растапливая многолетнюю мерзлоту.

Именно так она когда-то, в своих самых сокровенных девичьих мечтах, представляла идеального отца для своей дочери. Не безупречного глянцевого героя. Не громкого на обещания человека. А просто — надёжного. Того, кто без лишнего пафоса приходит именно тогда, когда он по-настоящему нужен. Кто держит своё слово, чего бы ему это ни стоило. Кто просто умеет быть рядом.

Позже, когда солнце начало медленно клониться к верхушкам деревьев, они пошли прогуляться вдоль берега. Мира, совершенно позабыв про осторожность от избытка эмоций, поскользнулась на гладком, влажном от озёрной влаги камне.

Ева резко, испуганно вскрикнула:

— Мира!

Но прежде чем она успела сделать хотя бы шаг навстречу дочери, Люциан уже оказался на месте. Словно материализовался из воздуха.

Он мгновенно перехватил падающую девочку, легко, одним движением поднял на руки и бережно поставил на сухую траву, подальше от опасной воды.

— Ничего страшного, — спокойно, заземляюще произнёс он, заглядывая в испуганные глаза малышки. — Первичная проверка пройдена. Земля здесь действительно скользкая.

Мира крепко, доверчиво прижалась к его бедру, пряча лицо:

— Люциан, я так испугалась...

— Это абсолютно нормально, — он присел перед ней на корточки, выравнивая уровень глаз. — Смелость — это ведь не тогда, когда тебе совсем не страшно. Смелость — это когда тебе безумно страшно, но ты всё равно справляешься.

Он достал из кармана белоснежный платок и аккуратно вытер влажную грязь с её разбитого колена.

Ева смотрела на них и не могла вымолвить ни слова. Сердце стучало где-то в горле. Это была слишком простая, банальная житейская сцена... Но Ева знала наверняка: именно такие мимолётные, наполненные искренней заботой моменты и врезаются детям в память на всю оставшуюся жизнь. Из таких кирпичиков строится чувство безопасности.

Позже, окончательно устав после долгой прогулки на свежем воздухе, Мира сладко уснула прямо на большом диване в гостиной.

Люциан бесшумно накрыл её мягким шерстяным пледом, бережно подоткнув края, а затем тихо, одним движением выключил звук на своём телефоне, чтобы ни один случайный звонок из внешнего мира не посмел нарушить покой ребёнка.

Ева стояла у окна, прислонившись лбом к стеклу, и с мягкой улыбкой наблюдала за ним.

— Ты удивительно хорошо умеешь обращаться с детьми, — негромко заметила она, когда он подошёл ближе.

Люциан едва заметно улыбнулся уголками губ.

— Мира — особенная девочка. Она быстро к тебе привязалась.

— Я тоже к ней привязался, — просто и честно ответил он, глядя на спящую малышку.

— Это довольно опасная фраза, — Ева медленно повернулась к нему, скрестив руки на груди.

— Почему же?

— Потому что я до сих пор ловлю себя на мысли, что совершенно не знаю, чего именно стоит от тебя ждать. Ты слишком... непредсказуемый.

Люциан на секунду задумался, словно взвешивая её слова, а затем понимающе кивнул:

— Справедливо.

Он развернулся к ней всем телом, и его тёмный, пронзительный взгляд заставил её сердце пропустить удар.

— Тогда давай начнём с малого, Ева. Жди от меня только одного — последовательности.

— И что это, интересно, значит? — она приподняла бровь, пытаясь защититься лёгкой иронией от его магнетизма.

— Это значит, что я не стану давать тебе пустых, красивых обещаний и клясться в вечной верности, — ровно и чертовски уверенно произнёс он.

— Я просто буду рядом. Ровно столько, сколько ты сама мне позволишь.

Ева почувствовала, как глубоко внутри неё, вопреки вечерней прохладе, снова поднимается волна густого, тревожного тепла. Это ощущение было абсолютно не похоже на ту сумасшедшую, разрушительную бурю, которую когда-то принёс в её жизнь Адам. Там были вечные эмоциональные качели. Здесь же всё было принципиально иначе. Спокойное. Глубокое. Осознанное и взрослое.

И именно от этого оно казалось Еве в сотни раз опаснее. Против бури можно выставить щиты. Против искренней надёжности оружия у неё не было.

Вечером они сидели вдвоём на просторной деревянной террасе. Огромное багровое солнце медленно, торжественно опускалось за глухую стену векового леса на противоположном берегу. Мира продолжала безмятежно спать внутри тёплого дома.

Ева сделала глоток остывающего чая и тихо, почти интимно произнесла в сгущающиеся сумерки:

— Знаешь... сегодня я, кажется, впервые за очень долгое время по-настоящему почувствовала, что могу просто выдохнуть. Опустить руки и расслабиться.

Люциан ничего не ответил. Он лишь молча посмотрел на зеркальную гладь озера, в которой догорали последние кроваво-красные отблески заката. Его лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

— Значит, день прошёл не зря, — негромко отозвался он.

Ева хотела что-то ответить, подобрать какую-то правильную, безопасную фразу. Но вместо этого просто молча смотрела на его сильные руки, на спокойное лицо, подсвеченное умиряющими лучами солнца. И позволила себе осознанную, кристально чистую мысль:

«Если бы у Миры был такой отец...»

Эта мысль испугала её настолько сильно, что Ева сразу же отвела глаза, чувствуя, как предательски вспыхнули щёки. Ей показалось, что она совершает предательство по отношению к своему прошлому, к своей выстраданной независимости. А Люциан будто физически почувствовал это внутреннее смятение. Он ничего не сказал, не стал нарушать её личные границы расспросами. Только поднялся и молча накинул ей на плечи тёплый плед, когда с озера потянул резкий, прохладный вечерний ветер.

Глава 12

Тяжёлый, душный вечер медленно опускался на затянутый смогом город, когда Адам остановился у дверей квартиры Евы.

Он долго, нерешительно переминался с ноги на ногу, не отрывая взгляда от тусклой металлической кнопки звонка. Рука то поднималась, то снова бессильно падала. После их последнего, полного взаимных упрёков разговора прошло уже несколько месяцев. И эта затянувшаяся, леденящая тишина без Евы оказалась для него хуже любого, самого громкого скандала. Она выжигала его изнутри.

Но сегодняшняя ночная новость окончательно выбила у него почву из-под ног. Известие о странной, жуткой аварии, в которой мгновенно погиб Майкл Харт — ключевой компаньон и давний соперник Люциана, — мгновенно разлетелось по бизнес-кулуарам города. Этот кошмарный случай ледяным душем напомнил Адаму, насколько смертельно опасно вообще находиться в поле зрения Люциана Блэка. Любой, кто переходил ему дорогу, рано или поздно исчезал.

И сегодня Адам просто не мог больше послушно ждать и прятаться. Паника заставила его действовать. Он отчаянно хотел увидеть Миру. Обнять её. Хотя бы просто своими силами убедиться, что с его девочками всё в порядке.

Адам сделал глубокий вдох и решительно нажал на кнопку звонка.

Внутри квартиры раздались тихие, неторопливые шаги. Едва слышно шикнул электронный замок, отсекая последнюю преграду.

Дверь плавно открылась, и Адам буквально застыл на месте, разинув рот. Воздух застрял у него в горле, а сердце пропустило удар.

На пороге стояла Лилит.

На ней была простая домашняя одежда, шёлковый халат, а длинные тёмные волосы волнами рассыпались по плечам. Она выглядела настолько естественно, будто находилась здесь хозяйкой уже далеко не первый день. Будто она изначально, по какому-то негласному праву, безраздельно принадлежала этому дому.

Лилит лениво оперлась хрупким плечом о деревянный косяк двери, смерила его долгим, гипнотическим взглядом хищника и медленно, торжествующе улыбнулась:

— Какая приятная и неожиданная встреча, Адам. Зачем пожаловал?

Адам мгновенно побледнел, чувствуя, как внутри всё покрывается ледяной коркой.

— Что... что ты здесь делаешь? — вытолкнул он из себя хриплый вопрос.

— Живу, как видишь, — Лилит произнесла это удивительно спокойно, почти буднично, разглядывая свои безупречные ногти.

— Где Ева?

— Не дома.

— Где она?! — Адам повысил голос, теряя остатки самообладания.

Лилит чуть приподняла идеальную бровь, и в её глазах заплясали опасные искры:

— Какая страсть, Адам. Какая экспрессия. Раньше тебе стоило так отчаянно за неё бороться. Глядишь, всё сложилось бы иначе.

Он сделал резкий шаг вперёд, буквально нависая над ней:

— Отвечай мне, Лилит. Где Ева?

— За городом, — она выдержала театральную, мучительную паузу, наслаждаясь его агонией, и добавила:

— С Люцианом.

Эти слова прозвучали как точный, профессиональный удар под дых. Адам замер, не в силах даже вздохнуть. Воздух в подъезде разом стал удушливым.

— Ах, да... ты ведь не знал, — Лилит с притворным, приторным сочувствием слегка склонила голову набок. — Ева решила, что ей нужно немного отдохнуть от городского шума. Свежий воздух, первозданная природа... И надёжный, сильный мужчина рядом.

Он резко отвернулся к стене, сжав зубы до скрежета, пытаясь подавить слепую, выжигающую изнутри вспышку ярости.

— Мира... Мира с ней?

— Конечно, — Лилит улыбнулась ещё мягче, и от этой мягкости у Адама по спине побежали мурашки. — Люциан, как выяснилось, очень нравится детям. У них полная идиллия.

Адам сжал кулаки с такой силой, что костяшки побелели, а ногти едва не прокусили кожу ладоней.

— Не смей, — прорычал он.

— Что именно? Говорить очевидную правду?

Он снова рванулся к ней:

— Если этот ублюдок хотя бы пальцем прикоснётся к моей дочери...

— Твоей? — Лилит тихо рассмеялась, и этот смех эхом отразился от кафельных стен. — Забавно слышать это от тебя именно сейчас, Адам. Скажи, а где был её любящий отец все эти долгие годы?

Эти слова ударили сильнее всего, без промаха угодив в открытую рану. Адам дрогнул и отвёл потемневший взгляд.

— Я пытаюсь... я пытаюсь всё исправить, — глухо выдавил он.

— Слишком поздно, дорогой мой. Слишком поздно.

Она смотрела на него теперь почти нежно, как смотрят на тяжелобольного.

— Другой мужчина уже всю делает для неё и ребёнка то, что обязан был делать ты.

Адам тяжело, прерывисто дышал. Внутри него бурлил ядовитый коктейль из дикой ревности, бессилия и удушающей злости. Лилит безошибочно считала эту бурю, сделала шаг вперёд, выходя на лестничную площадку, и приблизилась к нему почти вплотную. От неё пахло дорогими духами и чем-то неуловимо опасным.

— Ты всегда приходишь слишком поздно, Адам. Именно тогда, когда свободное место рядом с ней уже кем-то занято.

— Замолчи... Заткнись!

— Но ведь это правда.

Она осторожно, едва ощутимо коснулась пальцами его напряжённой руки.

— Тебя заменяют, Адам. Снова. Прямо сейчас, пока мы здесь стоим.

Он дёрнулся, словно от удара током, и резко оттолкнул её руку:

— Не прикасайся ко мне!

— Почему? — тихо, с затаённой обидой спросила она. — Я ведь единственная, кто никогда, слышишь, никогда тебя не бросал.

Он горько, обречённо усмехнулся:

— И ты называешь это своей преданностью?

— Я называю это моим осознанным выбором.

Лилит подошла ещё ближе, заставляя его вжаться спиной в перила.

— Ева всегда выбирает только себя. Свои вечные страхи, свои бесконечные сомнения, своё эго. А я... я всегда выбираю тебя.

Адам смотрел на неё с усталой, выжатой до капли яростью:

— Ты просто пытаешься настроить меня против неё. Как и всегда.

— Нет, — она покачала головой, и её распущенные волосы шевельнулись. — Я просто бережно снимаю повязку с твоих слепых глаз.

Лилит заглянула ему прямо в душу, заставляя смотреть на себя:

— Пока ты мучаешься бесплодными воспоминаниями и сгораешь от чувства вины... она учится жить без тебя. И у неё, судя по всему, отлично получается.

Он молчал. Молчал, потому что больше всего на свете боялся, что её ядовитые слова — чистая правда.

— А Люциан? — тихо, вкрадчиво продолжила Лилит. — Он ведь не из тех, кто играет в долгие прелюдии. Если он вошёл в их жизнь — значит, пришёл всерьёз и надолго.

У Адама перехватило дыхание. Перед глазами против его воли развернулась яркая, мучительная картина: маленькая Мира, доверчиво сидящая на коленях у Блэка. И Ева... Ева, которая улыбается этому человеку так же искренне, тепло и нежно, как когда-то, давным-давно, улыбалась только ему.

Что-то внутри Адама с громким, необратимым треском лопнуло.

— И что... что тебе нужно от меня? — глухо, разбито спросил он.

— Чтобы ты наконец-то перестал стучаться в эти наглухо закрытые двери, — Лилит уверенно поймала его холодную ладонь в свои тёплые руки. — И заметил наконец ту, что всегда была рядом. На расстоянии вытянутой руки.

Адам медленно, но решительно высвободил свои пальцы из её захвата.

— Никогда, Лилит.

На одно короткое мгновение в её бездонных глазах мелькнула тень настоящей, глубокой боли. Но она тут же взяла себя в руки, и маска безразличия вернулась на место.

— Посмотрим, — тихо бросила она и отступила обратно в полумрак квартиры. — Хочешь дружеский совет на прощание?

Адам промолчал, сверля её взглядом.

— Если любишь женщину — никогда не оставляй пустое место рядом с ней. Его всегда, помни, всегда займёт кто-то другой...

И дверь перед его носом с тихим щелчком закрылась.

Адам остался стоять на безлюдной лестничной площадке с бешено, на износ колотящимся сердцем. Его изнутри одновременно пронзали две мощнейшие силы: глухая, первобытная ярость и липкий, парализующий страх. Страх того, что Еву он потерял уже окончательно и навсегда.

Глава 13

После прекрасных, наполненных тихим уютом выходных за городом дорога назад, в шумящий мегаполис, прошла на удивление спокойно.

Мира уснула ещё на середине пути, свернувшись калачиком на заднем сиденье и крепко прижав к груди маленького плюшевого зайца — её главный трофей, который Люциан с триумфом выиграл для неё на местной загородной ярмарке.

Когда роскошный автомобиль плавно, без единого рывка остановился у их многоэтажки, Ева обернулась к дочери и нежно улыбнулась, чувствуя, как сердце наполняется непривычным умиротворением.

— Уснула окончательно, — тихо произнесла она.

— Вижу.

Люциан плавно заглушил двигатель, вышел из машины и осторожно открыл заднюю дверь. Подхватив сонную Миру на руки, он поднял её так легко и бережно, будто она вообще ничего не весила. Ева невольно залюбовалась этой картиной. Было в его движениях что-то защищающее.

Они вместе поднялись наверх. Мира по дороге даже не проснулась — лишь что-то сонно, неразборчиво пробормотала и устроилась удобнее, уткнувшись носом в его широкое плечо. Люциан аккуратно уложил девочку в кровать, поправил одеяло и бесшумно, словно тень, вышел из детской.

В прихожей повисло густое, неловкое молчание. Ева вдруг поймала себя на мысли, что ей до безумия не хочется, чтобы этот вечер заканчивался. «Пригласить его на кофе? Или это будет выглядеть слишком... двусмысленно?»

Она даже не успела додумать эту мысль до конца. Люциан слегка усмехнулся, словно без труда прочитал всё по её лицу.

— Даже не начинай.

— Что? — невинно переспросила она, захлопав ресницами.

— Ты сейчас мучительно пытаешься решить — предложить мне кофе или нет.

Ева смущённо закатила глаза, чувствуя, как краснеют уши:

— У тебя какая-то сверхъестественная способность читать чужие мысли, мистер Блэк.

— Нет. Просто ты становишься слишком предсказуемой, когда начинаешь нервничать, — он сделал короткий шаг к выходной двери. — И к тому же мне действительно пора. А тебе нужно хорошенько отдохнуть.

— Я не настолько устала, — упрямо возразила она.

— Ева, ты уснёшь на ходу раньше, чем кофеварка закончит работу, — вкрадчиво заметил он.

Она тихо, капитулирующе рассмеялась:

— Возможно. Ты прав.

Люциан задержался на секунду возле самой двери, и его взгляд потеплел:

— Завтра жду тебя в компании во всеоружии.

— Звучит грозно.

— Конечно. Нам ещё предстоит очередной раунд затяжной корпоративной войны.

— Ты же начальник, — напомнила Ева.

— Именно поэтому у меня гораздо больше шансов победить.

— Самоуверенно.

— Реалистично.

Они обменялись короткими, понимающими улыбками.

— До завтра, Ева.

— До завтра, Люциан.

Он вышел, а она ещё несколько секунд неподвижно стояла в прихожей, глядя на закрывшуюся дверь и чувствуя, как внутри разливается странное, убаюкивающее тепло.

Спустившись по ступенькам, Люциан неторопливо направился к своей машине. Но возле неё, оперевшись о капот, уже стоял Адам.

Люциан тяжело, устало вздохнул:

— Знаешь, Адам, мне начинает казаться, что ты специально тренируешься эффективно появляться в самые неподходящие моменты.

Адам молча, исподлобья смотрел на него. В его глазах застыла глухая, тяжёлая ярость после разговора с Лилит.

— Тебе самому ещё не надоело выходить из темноты, как дешёвый призрак?

Никакой реакции. Адам оставался неподвижен. Люциан демонстративно открыл водительскую дверь машины.

— Серьёзно, ты что, теперь круглосуточно дежуришь у её дома?

— Хотел лично убедиться, что они добрались нормально, — глухо бросил Адам.

— Конечно. Именно так. А я уже, признаться, начал всерьёз переживать, что ты тайно устроился в этот двор охранником.

— Кто-то же должен следить за тем, чтобы ты не злоупотреблял своим дурацким обаянием.

Люциан тихо, иронично рассмеялся:

— Поздно, Адам. Думаю, с этим я прекрасно справляюсь и без твоей посторонней помощи.

— Ты слишком часто появляешься рядом с ней, — наконец, с трудом сдерживаясь, произнёс Адам.

— А ты слишком часто и навязчиво следишь за ней.

— Ты забываешь, кто ты такой на самом деле, Люциан.

— Нет, — улыбка мгновенно сползла с лица Блэка, обнажая пугающую, древнюю силу. — В отличие от тебя, я как раз прекрасно всё помню. До единой секунды.

— Тогда тем более странно и дико видеть тебя рядом с Евой.

— А что именно тебя так сильно беспокоит?

— Тебе не нужна она, — Адам сделал шаг вперёд, его голос дрожал от ненависти. — Тебе нужно влияние. Нужно укрепить ваши пошатнувшиеся позиции за счёт её ресурса.

Остатки напускного дружелюбия окончательно исчезли. Глаза Люциана превратились в две чёрные бездны.

— Забавно слышать подобные обвинения именно от тебя.

— Это правда.

— Нет, Адам. Это лишь то, во что тебе самому чертовски удобно верить, чтобы оправдать собственную трусость.

Тёмная, зловещая тень пробежала по лицу Адама.

— Ты играешь в очень опасную игру, Блэк.

— А ты? — голос Люциана стал леденящим, от него физически веяло опасностью. — Сколько раз за свою долгую, жалкую жизнь ты убеждал себя в том, что предаёшь, ломаешь и уничтожаешь всё вокруг исключительно ради высшего Света?

Адам ничего не ответил, лишь сильнее стиснул зубы.

— Ты всегда прячешь собственные эгоистичные желания за красивыми, высокопарными словами о долге, чести и добре, — безжалостно продолжил Люциан, наступая. — Разница между нами лишь в том, что я хотя бы никогда не лгу самому себе.

— И ты называешь эту свою циничную жестокость честностью?

— А ты своё вечное, непрошеное вмешательство — бескорыстием?

Тяжёлая, мёртвая тишина снова повисла между ними. И в эту самую секунду где-то совсем рядом, прямо над их головами, раздался оглушительный, раскатистый удар грома. Звук был настолько мощным, что завибрировали стёкла припаркованных машин. При этом ночное небо над городом оставалось абсолютно чистым, звёздным и ясным.

Оба мужчины одновременно, по единому щелчку прервали свой спор и подняли мрачные взгляды вверх. Это был слишком хорошо знакомый им обоим, пугающий знак.

— Снова... — тихо произнёс Адам, и его ярость мгновенно сменилась глубокой тревогой.

Люциан сильно нахмурился, вглядываясь в пустое ночное небо:

— Уже третий раз за этот проклятый месяц.

— И с каждым разом эти разломы становятся всё глубже и сильнее.

— Не только разломы, — ледяным тоном отозвался Люциан.

Адам резко перевёл на него свой потрясённый взгляд.

— Ты тоже это почувствовал? — Адам резко повернулся к нему, и в его голосе проступил неподдельный страх.

— Конечно, — коротко бросил Люциан.

На одно короткое мгновение между ними испарились и едкие насмешки, и многовековая враждебность. Перед лицом грядущей катастрофы они снова были равны.

— Вчера это произошло в Токио, — ледяным тоном произнёс Люциан, вглядываясь в бездонное небо. — Сегодня — над Атлантикой. Завтра этот нарыв может вскрыться где угодно. Ткань этого мира истончается.

— Почему ты не останавливаешь это? Ты ведь можешь!

Люциан горько, цинично усмехнулся:

— Я не настолько всемогущ, Адам. Не приписывай мне чужие роли.

— Но ты можешь сделать хотя бы одно — оставить Еву в покое. Уйти.

— Ты опять за своё, — Люциан раздражённо дёрнул желваком.

— Возможно, всё то, что сейчас происходит с миром — это прямое следствие твоего упрямства? Твоего эгоистичного влияния на неё?

— Не ищи виноватых там, где тебе просто удобно их искать, чтобы заглушить собственную беспомощность, — отрезал Блэк.

Адам до хруста сжал челюсть:

— С тобой ей будет только хуже. Ты погубишь её.

— Я найду решение.

— Ты не можешь этого гарантировать!

— Не могу, — Люциан шагнул к дверце машины и остановился, устремив на соперника тяжёлый взгляд. — Но одно я знаю абсолютно точно. Я не оставлю её.

Ночь снова замерла вокруг них, словно прислушиваясь к этому приговору.

— В отличие от тебя, Адам, — тихо, с убийственным спокойствием добавил он, — я её не брошу. Что бы ни случилось. И в каком бы из миров мы ни оказались.

Слова ударили точно в цель. Снайперский выстрел в самое сердце. Потому что они оба слишком хорошо знали, о чём на самом деле сейчас говорил Люциан. О каком именно предательстве из их далёкого, выжженного прошлого он напоминал.

Люциан сел в машину и с глухим стуком захлопнул дверь. Через мгновение хищные неоновые фары прорезали дворовую темноту.

Адам остался стоять один на пустой парковке возле дома Евы, молча глядя вслед удаляющимся красным габаритным огням автомобиля. И сейчас его до дрожи тревожил не столько сам Люциан, сколько внезапная, парализующая мысль: Блэк был чертовски прав. Возможно, покидая Еву тогда, много лет назад, поддавшись своим высоким идеалам, Адам не только не защитил её... Он подверг её ещё большей, смертельной опасности, чем если бы остался рядом вопреки всем запретам.

Огромные панорамные окна роскошной квартиры Люциана отражали далёкие, холодные огни ночного мегаполиса. Казалось, будто тысячи чужих, ничтожных судеб беззвучно мерцали у его ног. Внутри апартаментов царила давящая, звенящая тишина.

Люциан сидел в глубоком кожаном кресле у самого стекла, небрежно расстегнув верхние пуговицы белоснежной рубашки. В одной руке он покачивал тяжёлый бокал с янтарным виски, а в другой держал крупное, наливное красное яблоко, которое лениво, почти гипнотически перекачивал длинными пальцами.

Но его мысли были бесконечно далеки от этого виски и этого города. Они снова и снова, вопреки его воле, возвращались к ней. К Еве.

За свою непомерно долгую жизнь он видел женщин гораздо красивее. Умнее. Опаснее. Видел тех, кто в слепом восхищении падал к его ногам, и тех, кто тщеславно пытался бросить ему вызов. Но ни одна из них не вызывала в нём того странного, мучительного, вибрирующего беспокойства, которое одним своим присутствием рождала Ева.

Ева никогда не искала его внимания. Не боялась его так, как должны были бояться обычные смертные. Не восхищалась его безграничной властью. Не играла в дешёвые кокетливые игры. Она смотрела на него так, будто отчаянно пыталась понять его суть. Будто пыталась заглянуть прямо в его чёрную душу — хотя сама она искренне не верила в наличие душ у кого-либо в этом материальном мире. Она не верила ни в рай, ни в ад, никому не поклонялась и ни перед кем не преклоняла колени. Ева просто старалась жить по совести — и делала это не из страха перед высшим судом и не потому, что отчаянно хотела быть «хорошей». Это просто был её внутренний, незыблемый кодекс. И, возможно, именно эта её чистая, первозданная автономия так непреодолимо тянула его к себе.

Люциан тоже жил по своим законам. Только, в отличие от Евы, далеко не всегда справедливым и милосердным. Но свой кодекс чести у него всё-таки был. Честь в нём ещё оставалась.

Люциан медленно, с силой сжал яблоко в ладони, чувствуя, как под нажимом крепкая кожа едва слышно трещит.

— Что именно ты во мне видишь, Ева?... — тихо, вкрадчиво произнёс он в пустую, тёмную комнату.

Ему казалось, что рядом с этой женщиной все его привычные маски становятся непомерно тяжёлыми. Железобетонная уверенность дала глубокие трещины. Слова, которыми он так виртуозно привык ломать и подчинять людей, рядом с Евой иногда звучали фальшиво и пусто. словно она умудрялась заглядывать гораздо глубже, чем было позволено кому-либо.

Он резко встал и подошёл вплотную к стеклу. Город внизу кишел своей суетливой, бессмысленной жизнью, но Люциану сейчас было абсолютно безразлично всё на свете, кроме одной-единственной женщины. Если всё их общее прошлое раскроется... Ева ведь сможет увидеть в нём то, что сейчас скрыто даже от него самого. Не царственный образ. Не сокрушительную силу. Не того холодного, безжалостного монстра, которого знает весь деловой мир. А то, кем он был... до своего падения.

Люциан прикрыл глаза, и его ресницы дрогнули. Это пугало его до глубины существа. И одновременно — тянуло сильнее любой земной власти.

— Ты можешь стать моим единственным спасением... — произнёс он почти шёпотом, и его дыхание оставило лёгкий след на прохладном стекле. — Или моим окончательным концом.

В это же самое время Адам физически не мог заставить себя усидеть дома.

Он стоял на открытом балконе своей квартиры, до боли в суставах опершись руками о холодные металлические перила, и невидящим взором смотрел в глухую темноту двора. Внизу всё казалось обманчиво спокойным: редкие припозднившиеся машины, тёплый свет в окнах соседних многоэтажек, чужая, размеренная, обычная жизнь.

А вот внутри него бушевал настоящий ад. Он думал о Еве. О том, как разительно, неуловимо она меняется, стоит Люциану оказаться рядом.

Адам искренне ненавидел себя за то, что замечает эти перемены. Потому что он слишком хорошо понимал: главная причина этого притяжения крылась не в деньгах Блэка. Люциан был смертельно опасен не только тем, кем он являлся по своей сути. Куда опаснее было то, какие дремавшие силы он будил в самой Еве. Любопытство. Первобытную страсть. Бунт против серых будней. Острое желание узнать себя настоящую, заглянуть в собственную бездну. Те потаённые, тёмные части её души, к которым Адам со своим правильным, стерильным Светом никогда — ни в этой жизни, ни в прошлых — не мог даже прикоснуться.

И это осознание ранило его в сотни раз сильнее банальной мужской ревности. Адам точно знал: он мог бы дать Еве абсолютную стабильность, непоколебимую верность и надёжную защиту. Спокойный, предсказуемый мир без хаоса и боли. Но что, если ей на самом деле нужен вовсе не этот безопасный покой? Что, если её мятежную душу неудержимо тянет туда, где невыносимо больно, опасно, но ослепительно ярко?

Он судорожно закрыл глаза, до хруста сжав пальцы:

— Почему... почему именно он, Ева? ...

Но за этим вымученным вопросом скрывался другой, куда более страшный и разрушительный для его эго: «А что, если Люциан видит в ней то, чего я так и не сумел разглядеть за всё это время?»

Адам резко выпрямился и рваным движением отошёл от перил балкона, возвращаясь в комнату. Нет. Он не отдаст её. Не отступит. Он ни за что не уступит её человеку, после которого на земле всегда остаются лишь пепел и дымящиеся руины. Если ради этого потребуется стать чудовищем, если придётся сделать так, чтобы она возненавидела его всем сердцем — Адам пойдёт на это. Он станет для неё врагом, лишь бы спасти её хрупкую душу от гибели.

Потому что Адам всем своим существом чувствовал то, чего сама Ева пока ещё не понимала в силу своей человеческой природы: рядом с Люцианом любовь никогда не приходит одна.

За его любовью всегда, неизбежно, идёт война на уничтожение.

Глава 14

Ева сидела в кабинете у Лиора, нервно крутя в руках керамическую чашку. Кофе давно остыл, покрывшись тонкой матовой плёнкой, но она не замечала этого, сосредоточенная на ощущении гладкой поверхности под пальцами.

— Ну, — спокойно произнес Лиор, подаваясь вперёд. Его голос, всегда ровный, почти убаюкивающий, действовал на Еву как лёгкое транквилизирующее средство. — Как прошла ваша поездка за город?

Ева на мгновение замерла, вспоминая недавние часы, проведенные в компании Люциана. Она сразу усмехнулась, пытаясь скрыть за иронией внезапно возникшее тепло в груди.

— Нормально всё прошло, — отозвалась она, глядя в сторону стеллажей с книгами. — Красиво. Спокойно. Даже... легко.

Лиор едва заметно приподнял бровь, и этот жест не ускользнул от неё.

— И вас это тревожит.

Ева резко подняла на него глаза. Взгляд психолога был привычно проницательным, будто он видел её насквозь, как рентген.

— Почему вы так считаете? — вызов в её голосе прозвучал скорее, как защита.

Лиор легко пожал плечами, даже не потрудившись сменить позу.

— Потому что вы произнесли «даже легко» так, словно эта лёгкость — какой-то подвох. Как будто вы ждали подвоха, но он не случился, и теперь вы подозреваете окружающий мир в заговоре против вашего скепсиса.

Она отвела взгляд, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение.

— С ним всё слишком странно, — призналась она, наконец сдав позиции. — То мне спокойно рядом, то хочется бежать без оглядки. То он меня бесит, то...

— То тянет? — закончил Лиор за неё.

Она невольно улыбнулась — искренне, на мгновение забыв о своей броне. Но улыбка быстро погасла, уступив место привычной тревоге.

— Я не понимаю, что со мной происходит. Я боюсь, что он не тот человек, которому можно полностью доверять.

— Возможно, так и есть, — согласился Лиор, и в его голосе прозвучало странное, почти профессиональное безразличие. — Но?

— Но рядом с ним я чувствую себя живой.

— И именно это пугает вас сильнее всего, — тихо констатировал он.

Ева нахмурилась, сжимая чашку сильнее.

— Нет. Меня пугает, что он опасный. Я не сумасшедшая, я вижу, кто он.

Лиор наклонился ближе, сокращая дистанцию. Теперь он казался не просто психологом, а исследователем, внимательно наблюдающим за поведением подопытного.

— Это очень удобная версия, Ева.

— Что значит «удобная»? — она вскинула голову, чувствуя, как начинает закипать.

— Значит, опасность в нём — вещь осязаемая. Понятная. На неё легко злиться. За неё удобно прятаться, как за щит. Легко сказать: «дело в нём», когда на самом деле дело в вашей реакции на него.

Он сделал длинную паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе, как заряжённому электричеству перед грозой.

— А если дело вовсе не в нём? — добавил он тише.

Тишина в кабинете стала плотной, осязаемой. Ева чувствовала, как в груди начинает колотиться сердце.

— Тогда в чём? — спросила она, и её голос дрогнул.

Лиор смотрел мягко, но с той самой пронзительностью, от которой Еве захотелось встать и уйти.

— В том, что ты боишься любви... — он на секунду замялся, добавив с едва уловимой улыбкой: — Извините, я перешёл на «ты».

Ева поднялась и отошла к окну, глядя на город, который сейчас казался ей до тошноты обыденным.

— Нет, всё в порядке. Мне так даже легче, — прошептала она, не поворачиваясь. — Я не боюсь любви, Лиор.

— Тогда чего именно ты боишься, когда другой человек становится для тебя по-настоящему важным?

Она молчала. В отражении окна она видела свою фигуру — собранную, строгую, идеальную.

Лиор не торопил её. Он продолжал перечислять, словно зачитывал список симптомов:

— Потерять контроль? Быть отвергнутой? Раствориться в другом человеке до потери собственного «Я»? Стать зависимой? Или, может, ты боишься, что, став важной для кого-то, ты неизбежно обнажишь свою истинную суть, и она окажется... не такой, какой ты хочешь казаться?

Ева сжала руки за спиной. Каждое слово было точным ударом скальпеля, вскрывающим нарыв.

— Любовь для тебя не про тепло, — сказал Лиор совсем тихо. — Она для тебя про колоссальный риск.

Она стояла спиной к нему, глядя в окно, где в отражении её собственное лицо казалось чужим.

— Потому что если мне станет не всё равно... — выдохнула она, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Вот она, настоящая правда. Ты боишься... — Лиор замолчал, давая ей возможность самой заполнить эту пустоту.

— Стать уязвимой, — закончила за него Ева, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — Раскрыться и обнаружить, что на месте защиты — только пустота. И что мне с этим делать?

Лиор позволил себе едва заметную, почти призрачную улыбку, в которой читалось не сочувствие, а странное удовлетворение исследователя.

— А что, если он действительно опасен? — спросил он, склонив голову набок.

Ева молчала. Вопрос казался слишком простым, но в то же время невыносимо сложным. Лиор не стал ждать ответа, пожав плечами.

— Тогда твоя задача — не бежать от любви, пытаясь спастись от боли. Твоя задача — научиться отличать любовь от разрушения.

Он протянул ей чашку, едва коснувшись её пальцев своими. Этот жест был холодным, лишённым тепла, но Ева не отстранилась.

— Это две совершенно разные вещи, — продолжал он, глядя ей прямо в глаза. — Но ирония в том, что большинство людей путают их на протяжении всей своей жизни.

Ева обхватила чашку обеими ладонями, впитывая тепло, которое так быстро уходило из керамики. Она задумалась, и в тишине кабинета, нарушаемой лишь тиканьем настенных часов, в её сознании начали складываться осколки пазла.

Она вдруг поняла нечто важное. Тревога, которая пульсировала в ней рядом с Люцианом, была не только его «заслугой». Она не была лишь реакцией на его загадочность или его скрытую угрозу. Эта тревога, этот вечный, ноющий страх перед «слишком сильным чувством» жила в ней самой задолго до того, как она впервые встретила его. Это был её собственный фундамент, заложенный кем-то другим.

Спустя несколько часов вечер в доме Адама казался почти идиллическим. Тихая, едва уловимая музыка, приглушённый золотистый свет, два хрустальных бокала на низком мраморном столике — всё напоминало встречу старых друзей, которые решили отдохнуть от суеты мира.

Но напряжение в комнате было столь плотным, что его, казалось, можно было разрезать лезвием. Единственный человек, которого Адам мог назвать своим другом — или, если быть честным, наставником — сидел в глубоком кресле, расслабленно покачивая стакан. Адам же застыл у окна, глядя на ночной город так, будто искал в его огнях ответ, который не могли дать никакие законы.

— Ты сегодня подозрительно молчалив, — заметил наставник, не поднимая глаз. — В твоём случае это всегда плохой знак.

Адам ответил усмешкой — сухой, лишённой тепла.

— Я просто устал молчать.

— О чём именно? — тон собеседника оставался обманчиво мягким.

Адам развернулся. Его поза была прямой, готовой к прыжку.

— Я хочу рассказать Еве всю правду.

Тишина, накрывшая комнату, была почти осязаемой. Наставник медленно поставил бокал на стол.

— Нет.

— Это не просьба о разрешении, — отчеканил Адам.

— Тогда тем более «нет».

Адам нахмурился, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— Она имеет право знать. Кто он, кто я, что на самом деле происходит с её жизнью.

— Она имеет право знать, — спокойно согласился наставник. — Но не такой ценой.

— Перестань путать любовь с угрозой! — вспыхнул Адам, делая решительный шаг к нему. — Ценой чего? Моего терпения?

— Ценой твоей силы, — эти слова прозвучали как удар хлыста. Адам замер. — Ты прекрасно знаешь правила. Вам категорически нельзя раскрывать свою природу тем, кто ещё не сделал выбор. Нельзя вмешиваться в ход событий грубой правдой. Нельзя ломать путь человека своей волей.

— А если этот путь ведёт прямо в пасть к Люциану? — в голосе Адама прорезались нотки отчаяния.

— Тогда это её путь.

— Ты хоть слышишь себя? — голос Адама стал резким, звенящим. — Люциан плетёт вокруг неё сеть, медленно, нить за нитью, а мы должны стоять в стороне и наблюдать?

— Мы должны соблюдать баланс.

— Баланс? — Адам горько усмехнулся, глядя на своего наставника с нескрываемым презрением. — Какое удобное слово для оправдания бездействия.

— Это не оправдание. Это закон, который держит этот мир от окончательного распада.

Наставник встал, сокращая дистанцию.

— Послушай меня. Если ты скажешь Еве всё сейчас, ты переступишь черту. Ты навсегда потеряешь силу, а вместе с ней — и право защищать её в будущем.

Адам сжал челюсть, чувствуя, как внутри него бушует шторм.

— Может, мне уже плевать на эту силу.

— Нет, не плевать. Ты просто хочешь спасти её сегодня любой ценой, забывая, что завтра у тебя уже не будет возможности её защитить.

Адам резко отвернулся к окну. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышимым ритмом музыки из колонок. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он, почти шёпотом, задал вопрос, который жёг его изнутри:

— А Люциан? Почему ему можно? Он коварен, он манипулирует ею, он играет с ней, как с куклой!

Наставник едва заметно качнул головой.

— Но он... осторожен.

Адам обернулся, его взгляд был полон жгучего недоумения.

— То есть?

— Он не нарушает правила напрямую, — голос наставника звучал как сухой шелест страниц древней книги. — Он не открывает ей, кто он такой. Не раскрывает ей истинное устройство мира. Он лишь создает условия, в которых Ева *вынуждена* искать ответы сама. Он не заставляет её силой.

— О чём ты? Он соблазняет, влияет, подталкивает! — Адам не сдерживал горечи.

— Но формально выбор остается за ней. И будь уверен, Адам: если в конечном итоге выбор будет не в его пользу, Люциан не станет принуждать её. Он примет это как проигрыш.

Адам с глухим стуком ударил ладонью по подоконнику, словно пытаясь выместить гнев на самом здании.

— Это ложь в красивой упаковке. Тонкая, изощрённая манипуляция.

— Но она не ломает закон, — спокойно парировал собеседник.

— Ненавижу эти ваши законы!

— Ты ненавидишь их только потому, что впервые они стоят между тобой и тем, чего ты жаждешь.

Адам резко повернулся, его глаза горели яростью, в которой, если присмотреться, читалось детское отчаяние.

— Речь не обо мне! — выкрикнул он, но тут же осёкся, опуская взгляд на свои руки. — Если я буду молчать... я могу потерять её. А если скажу — потеряю свою силу.

— И заметь: сила принадлежит тебе по праву, — наставник сделал паузу, — а она...

Адам поднял глаза, и в них отразилась вся тяжесть его ноши.

— Она тоже...

— Ты не можешь потерять то, чем никогда не обладал, — слова наставника прозвучали как удар колокола. — Она человек. Она не вещь, не трофей и не приз, который достаётся победителю в конце битвы.

Наставник встал и подошёл к Адаму, положив руку ему на плечо.

— Иногда истинная сила заключается не в том, чтобы сорвать маски и прокричать правду. Иногда сила — это выдержать момент, когда тебя не выбирают.

Адам медленно опустился в кресло. В этот миг он выглядел не как могущественное существо, способное менять судьбы, а как смертельно уставший человек, чьи плечи прогибались под невидимым грузом.

— А если он сломает её раньше, чем она поймет, кто он на самом деле? — спросил он почти шёпотом.

— Тогда ты будешь нужен ей не как воин, пришедший с мечом, — ответил наставник.

— А как человек, который просто остался рядом, когда весь её мир рухнул.

Адам закрыл лицо руками, чувствуя, как внутри него пульсирует неразрешимое противоречие.

— И почему это сложнее любой битвы, в которой я когда-либо участвовал?

Его собеседник поднял стакан в лёгком, почти призрачном жесте, и на его губах заиграла слабая, печальная улыбка.

— Потому что битвы выигрываются мощью и решимостью. А то, что нужно сейчас тебе, — это то, чего у тебя в избытке меньше всего.

— Чего? — глухо спросил Адам.

— Терпения.

Глава 15

Миновали месяцы. Адам, следуя совету наставника, превратился в молчаливого наблюдателя. Он научился сдерживать порывы, наблюдать со стороны, как и во все прошлые века, не вмешиваясь в привычный ход вещей. Пока не вмешиваясь. Он видел, что Ева и Мира находятся в относительной безопасности, но не терял бдительности: он был начеку, готовый обрушиться грозой на любого, кто посмеет угрожать их покою. Он не отрёкся от своей любви и не оставил надежду на то, что однажды наступит момент, когда Ева не просто выслушает его, а по-настоящему услышит. Но время, казалось, застыло, отказываясь приближать этот миг.

Тихие беседы с наставником по вечерам действовали на Адама как ледяной душ, остужая его пыл. Они возвращали его в реальность, заставляя анализировать прошлые ошибки, которые теперь казались ему фатальными, и с суеверным ужасом всматриваться в туманное будущее.

А по ночам его согревала Лилит. Она знала всё: знала, что Адам даже не пытается забыть Еву, знала, что для него она — лишь редкое утешение в бесконечной череде одиноких дней. Но в каком-то смысле она стала его единственным союзником. Лилит рассказывала ему о жизни Миры, о её маленьких увлечениях, успехах и переживаниях, позволяя Адаму хоть краешком души участвовать в жизни дочери, которую он так жаждал защитить.

Однако Лилит была честна лишь отчасти. Она тщательно фильтровала информацию, умалчивая о том, какие именно «успехи» совершает девочка. Адам не знал, что Мира умеет исцелить раненого котенка одним касанием или с той же лёгкостью причинить боль обидчику, если тот перейдет черту. Это был их секрет, невидимая связь, которая крепла с каждым днём. Для Миры это была лишь забавная игра, о которой они не собирались рассказывать матери. Это превращало Лилит в человека, которому девочка доверяла безоговорочно, любя её почти так же сильно, как родную мать.

Сама Ева тем временем была по-своему счастлива. Она настолько погрузилась в новую жизнь, в водоворот своих дел и чувств, что стала слепа к очевидному. Она не замечала странностей в поведении дочери, не видела её пугающей одержимости Лилит, точно так же, как не осознавала глубины собственной одержимости Люцианом.

Её жизнь превратилась в череду ярких, но иллюзорных дней, где подлинная реальность была скрыта за плотной завесой счастья, за которой, как хищник, притаилось нечто куда более древнее и опасное.

Ева всегда была практичной, строгой и рациональной. Она не верила слухам, пустым словам, обещаниям. Но Люциан особо ничего не обещал, он больше делал. Он не разбрасывался словами, его поступки и забота говорили сами за себя. Его внимание пытались заполнить многие, но он видел людей насквозь. Его многие желали, но он теперь желал лишь Еву.

Его гнева боялись все в компании, кроме неё. Она спокойно могла отстоять свою точку зрения. Это не значит, что он со всем соглашался. Они постоянно спорили, особенно по работе. Но это не мешало им любить друг друга вне работы.

Однажды, в кабинет вошла секретарь, которая выглядела заметно напряжённой.

— Мистер Блэк, к вам следователи.

Люциан оторвался от документов.

— Пусть войдут.

Через несколько секунд в кабинет вошли двое мужчин.

Оба представились и показали удостоверения.

Люциан жестом указал на кресла напротив стола.

— Чем могу помочь?

Старший из следователей открыл папку.

— Мы продолжаем расследование об обстоятельстве гибели Майкла Харта.
На лице Люциана не дрогнул ни один мускул.

— Понимаю.

— Недавно нам поступила анонимная информация.

— Анонимная?

— Согласно сообщению, незадолго до происшествия мистер Харт встречался с вами.
Между вами произошёл конфликт.

— Вот как.

— Также сообщалось, что вы могли быть причастны к аварии.

В кабинете повисла тишина.

Несколько секунд Люциан внимательно смотрел на следователя.

Затем спокойно откинулся на спинку кресла и произнёс.

— Простите, господа, — Люциан едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке было больше угрозы, чем в любой открытой агрессии. — Но разве подобные обвинения не должны сопровождаться хотя бы какими-то доказательствами? Иначе мы рискуем превратить правосудие в цирковое представление.

Следователь нахмурился, его лицо покраснело от сдерживаемого раздражения.

— Мы обязаны проверять любую информацию, мистер Блэк. Это наш долг.

— Разумеется, — Люциан кивнул с подчёркнутым уважением, которое звучало как насмешка. — Но меня удивляет другое.

— Что именно?

— Насколько я помню, инцидент произошёл несколько месяцев назад, — Люциан сделал паузу, словно пытаясь вспомнить незначительную деталь. — Верно?

— Верно, — сухо ответил следователь.

— И лишь сейчас, спустя такой долгий срок, внезапно появляется анонимная наводка.

Следователи переглянулись. В кабинете воцарилась тяжёлая тишина, в которой слышалось лишь мерное тиканье настенных часов.

— Такое случается, — уклончиво ответил младший из них. — Люди боятся, им нужно время, чтобы решиться.

— Несомненно, — улыбка Люциана стала чуть шире, но глаза при этом остались холодными, как лёд. — Особенно когда у человека хватает недоброжелателей. За годы работы я приобрёл немало тех, кому моя репутация стоит поперёк горла. Подобная «информированность» в столь удачный момент выглядит крайне удобно, не находите?

Никто не ответил. Люциан сложил руки перед собой, его движения были выверенными и спокойными.

— Более того, — продолжил он, повышая голос ровно настолько, чтобы каждое слово ударило по нервам гостей. — Если верить вашей версии, этот «свидетель» молчал месяцами, дожидаясь идеального момента, чтобы заговорить, когда проверить его слова стало попросту невозможно.

— Что вы имеете в виду? — следователь подался вперед, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

Люциан начал перечислять пункты, загибая пальцы, словно объяснял ребёнку очевидные истины:

— Насколько мне известно, автомобиль Майкла уже давно утилизирован. Все улики уничтожены прессом.

Следователь молча кивнул, плотно сжав губы.

— Тело похоронено. Поезд ушел.

Снова короткий кивок.

— И свидетелей нашего «конфликта» нет. Ни одного.

— Нет, — признал следователь, и это слово прозвучало как капитуляция.

Люциан лишь развёл руками, всем своим видом выражая искреннее сочувствие их беспомощности.

— Тогда выходит, что единственное основание для ваших подозрений — анонимное письмо, написанное рукой труса.

Младший следователь заёрзал в кресле, явно чувствуя себя неуютно в этом кабинете, где каждая деталь интерьера дышала властью и порядком. Старший, не говоря ни слова, захлопнул папку.

Люциан откинулся на спинку кресла. Его поза выражала абсолютную уверенность человека, который выиграл партию ещё до первого хода.

— В таком случае, господа, ваш свидетель не просто анонимен. Он — призрак. А я предпочитаю вести дела с реально существующими людьми. Есть что-то ещё, или мне вызвать секретаря, чтобы она проводила вас к выходу?

— Мы просто выполняем свою работу, мистер Блэк.

— И я глубоко уважаю ваш труд, — голос Люциана оставался безупречно вежливым, почти елейным. — Именно поэтому я искренне надеюсь, что вы заняты поиском доказательств, а не коллекционированием слухов.

Следователь долго смотрел на него, пытаясь разглядеть хоть трещину в этой безупречной броне. Наконец, он задал последний вопрос, вложив в него весь оставшийся скепсис:

— Где вы находились в день аварии?

Люциан на секунду замолчал, демонстративно прикрыв глаза, будто погружаясь в приятные воспоминания.

— За городом.

— Один?

— Нет.

— Кто-то может это подтвердить?

Люциан открыл глаза и ответил без тени сомнения:

— Конечно. Ева Картер.

Следователь сделал быструю пометку в блокноте. Люциан оставался совершенно невозмутимым, словно обсуждал повестку совещания, а не обстоятельства гибели человека.

Ева, которую допросили следом, сыграла свою роль безупречно. Она выражала искреннее недоумение, возмущённо качая головой: кому и зачем могло прийти в голову так нагло и подло оклеветать человека? Её голос не дрогнул, её глаза были полны честного гнева.

Вокруг Люциана всегда роились сплетни, как мухи вокруг сиропа, но Ева давно привыкла к этому фоновому шуму. Если в первые недели, сталкиваясь с очередной пугающей догадкой, она порывалась уволиться и навсегда стереть его номер из памяти, то со временем всё изменилось. Теперь она не сбегала. Она научилась задавать вопросы, обсуждать то, что её тревожит, и идти на прямой диалог. В этом ей помогали не только сеансы с Лиором, которые постепенно настраивали её на «нужный лад», но и крепкие, обволакивающие объятия Люциана. Они были её наркотиком, её убежищем и её главной ложью, в которую она хотела верить сильнее, чем в собственную интуицию.

Ева никогда не считала себя доверчивой, но Люциан обладал пугающим даром — он умел истолковать любую ситуацию предельно рационально, выставляя себя в лучшем свете. Его логика была подобна идеально выстроенному механизму: не подкопаться, не расшатать.

Когда заголовки газет пестрели материалами о таинственном исчезновении его бизнес-партнёра, Люциан просто налил ей чаю и объяснил ситуацию как рядовую бизнес-сделку:

— Мы создали компанию вместе, Ева, но наши цели разошлись. Он жаждал личного контроля, я — создания системы, не зависящей от человеческих прихотей. Когда он осознал,

что проигрывает борьбу за влияние, он принял решение уйти. Это был его выбор, а не моё давление.

Когда СМИ взорвались новостями об утечке конфиденциальных данных и бесследном исчезновении расследовавшего их журналиста, Ева примчалась к Люциану посреди ночи, готовая обвинить его в убийстве. Но Люциан встретил её с бокалом вина, без тени раздражения или страха.

— Журналист не был «наказан», — мягко произнёс он. — Ему просто предоставили доказательства, которых у него не было. Он понял, что если продолжит публикацию, то пойдет ко дну. Он предпочёл тишину войне. Пойми, если бы мы действительно устраняли всех, кто мешает нашему бизнесу, рынок выглядел бы совсем иначе, не так ли?

После таких бесед Ева чувствовала себя неловко. Ей становилось стыдно за свою подозрительность, за то, что она позволила эмоциям взять верх над разумом, и она искренне восхищалась тем, с каким ангельским терпением он сносит её обвинения.

Даже манипуляции рынком он подавал как простую экономическую целесообразность:

— Когда другие компании атакуют нас, инвесторы начинают нервничать. То, что вы называете «управлением рынком», на деле является естественной реакцией системы на риск. Я лишь поддерживаю стабильность.

Слухи о его якобы «тайных связях» с правительством он также отметал с апломбом:

— Да, я встречаюсь с чиновниками. Но это не закулисные сделки. VESPER — инфраструктурная компания, обеспечивающая национальную кибербезопасность. Контакты с государством — это не попытка захватить власть, это наша прямая обязанность.

Ну а то, как он объяснял исчезновение женщин из своего окружения, было настоящим венцом его красноречия:

— Ни одна из них не исчезла. Но их жизни действительно менялись. Рядом со мной невозможно остаться прежним человеком. Кто-то обретает себя и уходит, кто-то начинает жизнь с чистого листа в другом месте. Остальное додумывают сплетники, которым нужна драма, чтобы заполнить пустоту в собственной жизни.

Люциан никогда не пытался казаться святым или нарочито хорошим. Он просто предлагал Еве свою версию мира — упорядоченную, холодную и убедительную. И Ева, уставшая от хаоса собственных мыслей, всё чаще выбирала именно эту версию, считая её единственной истиной.

И всё же в Люциане было нечто, перевешивающее любые его грехи: он был искренен в своей любви к Мире. Для Евы это стало высшим мерилом, главной гарантией его «человечности».

Лилит появилась на пороге дома Адама глубокой ночью, принесла с собой запах дорогих духов и бутылку выдержанного вина.

— Не ждал тебя сегодня, — глухо отозвался Адам, глядя на неё без особого энтузиазма.

— А я пришла скрасить твоё одиночество, — она легко скользнула внутрь, словно хозяйка. — Люциан сегодня увёз твоих девочек куда-то на побережье, а я решила не скучать дома в гордом одиночестве.

Адам напрягся, челюсти его сжались.

— Куда именно?

Лилит небрежно пожала плечами, расставляя бокалы на столе с грацией хищницы.

— Какой-то закрытый курорт у моря. Говорят, стоимость аренды вилл там превышает годовой оборот средней корпорации. Хотя, возможно, это лишь слухи. Может, откроешь уже вино? Мне не хочется тратить этот вечер на светские сплетни.

— Мне совершенно не интересно, где он проводит время, — отрезал Адам, хотя в его голосе сквозило плохо скрываемое раздражение.

— Конечно-конечно, — Лилит улыбнулась с подчеркнuto невинным видом. — Просто Мира вчера с таким восторгом показывала всем свой новый подарок. Браслет. Редчайшие камни, тонкая работа. Сказала, что Люциан выбирал его лично. Представляешь? Лично.

Адам, разливая вино, с трудом сдерживал дрожь в руках.

— Ты пришла сюда, чтобы сплетничать, или всё-таки «скрасить моё одиночество»?

— Я пришла, потому что соскучилась, — Лилит рассмеялась, и в этом звуке было что-то острое, как битое стекло. — Но я под впечатлением. Такая красивая история, Адам. Я даже слегка завидую.

— Ну так попробуй соблазнить Люциана, — попытался уколоть её он. — Это ведь твоя специализация.

— Нет, — она покачала головой, внимательно глядя на него. — Я предпочитаю тебя.

— Моё сердце принадлежит Еве, — горько выдохнул Адам.

— Его тоже, — жёстко парировала Лилит.

Адам усмехнулся, хотя в глазах его отразилась пустота.

— Лилит, у него нет сердца. Как и у тебя.

— Я начинаю в этом сомневаться, — она сделала глоток вина, не отводя от него взгляда. — Если бы ты видел, как он боготворит Еву и малышку, ты бы тоже засомневался. Знаешь, что меня удивляет больше всего?

Она не стала ждать ответа, наслаждаясь своей властью над его эмоциями.

— Люциан добровольно сидит с Мирой над уроками. Часами.

— Надо же, какая трогательная картина, — бросил Адам, стараясь придать голосу максимально равнодушный оттенок, хотя внутри всё клокотало от ярости.

— Позавчера Люциан заехал за нами, чтобы отвезти всех на ужин, — продолжала Лилит, лениво покручивая бокал в пальцах. — Он вошёл в дом и сразу понял: что-то не так. Ева была не собрана, я, конечно, была уже во всеоружии. Мы с ними сидели за столом, перед нами тетрадь, и вид у нас троих был такой, словно мы только что пережили тяжёлое, изматывающее сражение.

Адам поморщился, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение от каждой детали этого рассказа.

— Что случилось? — спросил Люциан тогда. Лилит помнила этот его взгляд: осторожный, почти опасливый. Он явно боялся, что если сейчас вяжется, то от Евы достанется не только Мире, но и ему самому.

— Математика, — мрачно ответила Ева, даже не подняв головы.

— Мы уже сорок минут объясняем ей это, — на одном дыхании добавила я.

— Час, — поправила её Мира, невозмутимо рисуя круги на полях тетради.

Адам не выдержал:

— Лилит, Господи, да перейди ты уже к сути! Неудивительно, что ты не можешь объяснить ребёнку простую задачу.

Лилит проигнорировала его выпад, лишь чуть сильнее сжала ножку бокала:

— Люциан тогда лишь мельком взглянул на задачу. Потом спокойно снял пиджак, перекинул его через спинку стула и медленно закатал рукава. Он выглядел так, будто собирался не уравнение решать, а вершить судьбы мира.

— Идите собирайтесь, — сказал он нам с той своей обезоруживающей улыбкой.

Ева тогда только покачала головой:

— Ты даже не представляешь, во что ввязался.

— Это всего лишь математика, Ева, — ответил он, и в его голосе звучала такая уверенность, что даже я на секунду поверила в чудо.

— Именно это мы и говорили час назад, — ответила я, поднимаясь из-за стола вслед за Евой. Я не хотела наблюдать за этим назревающим апокалипсисом. На прощание я бросила ему:

— Если через пять минут услышим крики, мы придём.

Лилит замолчала, допивая вино. В комнате повисла тишина.

— И что? — не выдержал Адам, его голос прозвучал неестественно хрипло. — Он сдался через пять минут?

Лилит медленно улыбнулась, и в её глазах мелькнуло что-то пугающее.

— Нет. Через десять минут из комнаты доносился только его тихий, гипнотический голос и ровное сопение Миры. Он решил задачу. Он всегда всё решает, Адам. Именно поэтому ты его так ненавидишь. Он делает то, что не удастся никому — он наводит порядок там, где Ева видит только хаос. Мы были уверены, что он через десять минут выйдет оттуда с дергающимся глазом.

Она сделала паузу, наслаждаясь моментом.

— И что ты думаешь? Когда мы спустились вниз, ожидая увидеть признаки катастрофы — разбросанные книги, слёзы, вырванные страницы — мы просто застыли в дверях. Мира сияла, как начищенная монета. Тетрадь была заполнена. А они... они увлечённо рисовали на полях.

— Я решила задачу! — крикнула тогда Мира, подпрыгивая на стуле.

— Всю? — Ева до сих пор не могла поверить.

— Да!

— Как? — спросила я, чувствуя себя полной идиоткой.

— Люциан объяснил.

— За пятнадцать минут? — уточнила Ева.

— За восемь, — поправила Мира. — Остальное время мы спорили, какой дракон сильнее — огненный или ледяной.

— И кто победил? — не удержалась я, глядя на этого человека, который казался сотканным из невозможных противоречий.

Люциан, даже не подняв головы от рисунка, невозмутимо ответил:

— Очевидно, ледяной.

— Неправда! — возмутилась Мира, и в комнате снова разгорелся спор.

— Видишь? — Люциан поднял на нас взгляд, в котором читалось лёгкое торжество. — Спор до сих пор продолжается.

Ева переводила взгляд с сияющей Миры на совершенно спокойного Люциана. Она была ошарашена.

— Как тебе удалось? Мы же бились над этим часами!

— Вы пытались объяснить математику, — он пожал плечами, как будто это было самое очевидное в мире. — А я сначала выяснил, что ей нравятся драконы.

— А потом мы пошли на ужин, — весело заключила Лилит. — Хочешь, я расскажу, как он вёл себя в ресторане? Хочешь?

Адам встал так резко, что массивное кресло с грохотом откатилось назад, ударившись о стену. Его лицо исказилось от сдерживаемой ярости.

— Тебе пора, — отрезал он. Его голос вибрировал от напряжения. — Я не расположен сегодня к твоему присутствию.

Лилит медленно поднялась, сохраняя на губах полуулыбку. Она подошла к нему почти вплотную, чувствуя, как от него исходит жар, словно от раскалённого металла.

— Ты такой милый, когда злишься, — прошептала она, проводя пальцем по его напряженной челюсти. — Присядь рядом. Я обещаю: больше ни слова о них...

Но Адам лишь отвернулся, глядя в темноту окна. Этой ночью они больше не проронили ни слова. Но тишина между ними стала ядовитой, пропитанной запахом вина и тяжёлым осознанием того, что Люциан Блэк не просто вошёл в жизнь Евы — он начал приватизировать каждую её часть, даже те, что должны были принадлежать Адаму по праву крови.

Лилит разбудила его, когда солнце едва начало окрашивать горизонт в бледные тона.

— Я заварила крепкий кофе и уже убегая, — бросила она, поправляя волосы у зеркала. — Мне нужно столько всего успеть к их приезду, просто катастрофа.

Адам, к её удивлению, проснулся в хорошем расположении духа.

— Сделать маникюр, пойти в солярий? — усмехнулся он, наблюдая за её суетой. — Или продолжать коллекционировать сплетни?

— Очень смешно, дорогой, — парировала она, не оборачиваясь. — На мне организация праздника, а у меня всего три дня. А Мире обещали что-то грандиозное.

Весёлый настрой Адама испарился мгновенно, стоило ей упомянуть «грандиозность».

— И что же планирует наш неотразимый Люциан?

— Я слышала, как они с Евой обсуждали полёт в Италию. Он снял для них яхту, и, кажется, ещё...

— Я спрашиваю про праздник, — перебил её Адам, голос его стал холодным. — Не прикидывайся, что не поняла.

Лилит обернулась, её губы тронула едва заметная, почти торжествующая улыбка — она знала, что задела за живое.

— Ах, праздник... Это секрет. Но если хочешь, я могу узнать, что он подарит Мире на день рождения. Чтобы ты, Адам, снова не оказался в стороне, как вечный аутсайдер.

Она коротко поцеловала его в щёку и направилась к выходу.

— Не провожай, наслаждайся тишиной. Я убегая.

Но тишины не было. Лилит ушла, оставив после себя лишь горькое послевкусие чужой, идеальной жизни. Она «невзначай» вывалила на него порцию яда, и Адам прекрасно понимал, что в её действиях никогда не бывает случайностей.

Ева счастлива с Люцианом — это факт, который жёг его изнутри. Он медленно, но верно занимал место отца, которого у девочки никогда не было. Это был второй, ещё более болезненный факт. Адаму настойчиво советовали молчать, угрожая, что правда лишь разрушит то небольшое, что у них осталось.

— Ладно, — процедил Адам, когда за дверью стихли её шаги. — Есть один козырь. Люциан тоже связан законом — он не имеет права открывать ей правду. Но он не будет лгать. Если я задам ему один правильный, «невинный» вопрос, не раскрывая своих карт... посмотрим, как он выкрутится.

Кажется, он всё-таки чему-то научился у Лилит. Если честность — это слабость, которую не ценят, значит, пора прибегнуть к искусству манипуляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.